

ИНСТИТУТ ОФИЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский Институт официального будущего

<https://litres.ru/74341668>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Государственном институте согласованных перспектив прогнозы не просто описывают будущее. После утверждения под них перестраиваются маршруты, склады, больницы и решения миллионов людей — и отвергнутые варианты становятся почти невидимыми.

Молодой редактор Нина Корш хочет защитить родное Заречье от паводка. Её формулировка действительно спасает район, но переносит ущерб на тех, кого официальный отчёт уже успел вычеркнуть. Расследуя подложный отзыв погибшего отца-гидролога, Нина обнаруживает: единый Основной прогноз вырос из незавершённого спора и теперь умеет превращать любое сопротивление в доказательство собственной правоты.

Чтобы остановить контур, Нине придётся выбрать между безошибочной командой и правом людей видеть несколько опасных путей, принимать решения и отвечать за последствия. «Институт официального будущего» — социально-фантастический роман о цене ясности, бюрократии как реальной

силе и предупреждении, которое не должно становиться приказом.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Правка, которой не было	7
Глава 2. Отдел допустимых глаголов	14
Глава 3. Сотрудник без ставки	24
Глава 4. Белый квартал	34
Глава 5. Ошибка Корша	47
Глава 6. Планёрка чрезвычайной ясности	60
Глава 7. Индекс доверия	74
Глава 8. Удобная катастрофа	96
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Влад Велирский Институт официального будущего

От автора

Прогноз кажется противоположностью приказа. Один общает, что может произойти, другой требует поступить определённым образом. Но между ними есть пространство, где предупреждение меняет решения, решения меняют обстоятельства, а обстоятельства подтверждают предупреждение. В этом пространстве и работает Институт официального будущего.

Это роман о людях, которые умеют превращать неопределённость в понятные фразы и искренне считают такую работу общественно полезной. Их задача не сводится к производству нелепых бумаг: от точности формулировок зависят маршруты эвакуации, запасы лекарств, работа транспорта и человеческая готовность действовать. Поэтому главный конфликт начинается не там, где знанию противостоит невежество, а там, где полезная ясность получает слишком большую власть.

У каждого решения в книге есть видимая цена. Возмож-

ность выбрать несколько путей не гарантирует спасения, а единый план не обязательно придуман злодеем. Героям приходится различать само предупреждение, доверие к нему и право исполнять его за других. Это различие становится особенно трудным, когда времени мало, опасность реальна и любой спор уже воздействует на настоящее.

Названия учреждений, должностей, районов и описанные технологии вымышлены. Книгу можно читать как фантастическую историю о семи днях перед большим паводком, как производственный роман о редакторах невозможного документа или как вопрос: что именно мы отдаём системе, когда просим её избавить нас от неопределённости.

Глава 1. Правка, которой не было

В четыре семнадцать утра будущее Заречья состояло из одной строки, и строка была неверной.

Нина Корш перечитала её в третий раз, хотя при третьем чтении служебные фразы обычно не становились честнее.

> Восстановленная системой исходная строка: население низинного сектора будет перемещено в нормативные пункты временного размещения до наступления расчётного максимума воды.

Ни одного названия. Ни одного маршрута. Даже вода здесь не поднималась, а наступала в расчётном порядке, словно прежде получила пропуск на территорию города.

За стеклянной перегородкой тянулся тёмный Отдел формулировок. Пустые столы стояли рядами на ступенях бывшего выставочного павильона. Когда-то здесь показывали новую сельскохозяйственную технику; теперь под потолком висела световая схема Основного прогноза. Большинство ветвей спало серыми линиями. Только северо-восточная часть Веретина мерцала жёлтым: паводковая сводка обновлялась каждые девять минут.

На экране Нины обновление пришло без звука.

Уровень у водомерного поста снова вырос. Вероятность перелива через старую насыпь поднялась с тридцати восьми до сорока одного процента. Система пометила изменение

как несущественное: до порога официального предупреждения не хватало девяти пунктов.

Нина открыла приложение к сводке. Заречье исчезало в нём дважды. Сначала как район: вместо названия стояло «низинный сектор». Потом как задача: вместо эвакуации конкретных улиц предлагалось перемещение населения в какие-то нормативные пункты, которых на правом берегу не существовало уже шесть лет.

Она выделила фразу и написала:

> Жители Заречья смогут покинуть район по северному путепроводу до 18:00; автобусы подаются к площадям Речников и Трёх Ив.

Красная рамка возникла сразу.

Недопустимая модальность: «смогут». Выберите подтверждённое действие.

Нина заменила «смогут» на «покинут» и поморщилась. Система приняла глагол, но подчеркнула площади: транспортный план ещё не был согласован. Тогда она вернула «смогут», сняла с фразы исполнительный статус и сохранила её как редакционное замечание.

На секунду экран стал белым.

Строка вернулась прежней.

Нина проверила журнал. В нём значилось: документ открыт в 04:06, изменений нет. Она посмотрела на свои пальцы, всё ещё лежавшие на клавиатуре, и почувствовала раздражение, которое было удобнее страха. Ночные смены ча-

сто заканчивались борьбой с версиями. Но версия могла откатиться, сервер мог потерять запись, коллега мог параллельно сохранить старый файл. Журнал не имел права забывать само действие.

Она повторила правку, на этот раз коротко:

> Возможна эвакуация Заречья по северному путепроводу.

Сохранила. Досчитала до пяти.

> Население низинного сектора будет перемещено в нормативные пункты временного размещения до наступления расчётного максимума воды.

Из памяти ушло не всё. Нина помнила площадь Трёх Ив и автобусы. Помнила красную рамку. Но вторая формулировка уже казалась ей черновиком, который она собиралась написать, а не написала. Ощущение было почти физическим: как если бы мысль осторожно вынули из головы и оставили после неё тёплое место.

Она отодвинулась от стола.

На внутренней стороне левого запястья синела служебная пометка: «Проверить Заречье до планёрки». Нина сделала её ручкой перед сном, когда районная станция прислала сырые показания. Под словами остался отпечаток простыни. Если бы она доверяла только журналу, пометка доказывала бы не больше, чем тревожный сон.

В нижнем ящике стола лежала бумага для аварийного протокола. Пользоваться ею без объявления сбоя запрещалось.

лось: каждый лист имел номер, водяной знак и неприятную привычку попадать в квартальный отчёт. Нина достала лист 3-ОФ-118, вставила в старый печатный модуль и вывела обе версии рядом.

Модуль загудел так громко, что в дальнем конце отдела включился свет.

— Если вы печатаете личное признание, — произнёс кто-то из темноты, — оставьте копию профсоюзу.

Нина резко обернулась.

Между стойками с архивными папками стоял мужчина в серой куртке полевых верификаторов. На груди болтался пропуск без фотографии. Нина видела его вечером у лифтов и решила, что он пришёл чинить датчики.

— Отдел закрыт до шести.

— Поэтому я снаружи отдела.

Он показал на тонкую латунную полосу в полу. После перестройки павильона она обозначала границу подразделения. Его ботинки действительно стояли в коридоре.

— А разговариваете внутри.

— Звук не включён в схему доступа.

Нина вынула лист. Первая версия была напечатана чётко. На месте второй тянулась пустая серая полоса.

Мужчина перестал улыбаться.

— Что вы пытались вывести?

— Редакторское замечание.

— Какое?

Она открыла рот и обнаружила, что точных слов уже нет. Северный путепровод она помнила. Название района тоже. Между ними оставался смысл: люди должны иметь возможность уйти сами, а не однажды обнаружить себя перемещёнными в отчёте. Но фраза распалась.

Нина взяла ручку и написала на полях от руки: «Заречье. Северный путепровод. Возможность, не факт».

Мужчина проследил за движением пера.

— Теперь у вас есть изменение, которого не было.

— У меня есть неисправный журнал.

— Тогда вам повезло. Неисправности ремонтируют.

— А вы кто?

Он поднял пустой пропуск, будто там всё было указано.

— Тим Лесов, полевая верификация. По кадровой системе — до вчерашнего вечера.

— Вас уволили?

— Если бы. Увольнение оставляет запись.

Из потолочных динамиков прозвучал мягкий сигнал. Световая схема над отделом ожила, вытягивая к Заречью новую жёлтую ветвь. Нина посмотрела на экран. В журнале по-прежнему не было изменений, зато у документа появился дополнительный статус: направляющее воздействие — 0,03.

— Три сотых, — сказала она. — Ниже фоновой погрешности.

Тим не ответил. Он смотрел сквозь стеклянную стену на улицу.

Институт занимал возвышение над площадью Перспектив. Отсюда были видны трамвайное кольцо, мокрые крыши остановок и начало северного проспекта. До рассвета оставалось больше часа. Город существовал редкими окнами и служебными фарами.

На противоположной стороне площади загорелся дорожный указатель.

Сначала Нина решила, что включили рекламу. Белая стрелка легла поверх пустого синего щита, указывая на север. Затем проступили буквы:

ВРЕМЕННЫЙ МАРШРУТ ЭВАКУАЦИИ. ЗАРЕЧЬЕ.

Под надписью мигнуло время: до 18:00.

Нина подошла к стеклу. Щит стоял у выезда на путепровод, который транспортный отдел ещё не проверил. По ночному проспекту к нему уже поворачивал первый пустой автобус.

— Вы это видите? — спросила она.

— Пока да.

Ответ был настолько неправильным, что Нина повернулась к Тиму. Он достал из кармана сложенную бумажную карту и отметил на ней указатель карандашом.

— Что значит «пока»?

— Если формулировка удержится, мы решим, что знак поставили вчера. Если не удержится — к утру его никто не найдёт. Кроме тех, кто успел записать.

Нина сжала аварийный лист. Пустая серая полоса на нём

медленно темнела. Проявлялись слова, но не те, которые она вводила.

> Эвакуация Заречья будет завершена по северному маршруту до 18:00.

Исчезла возможность. Исчезли площади сбора. Остался результат, уже говоривший о себе как о состоявшемся факте.

— Я этого не писала.

— Зато кто-то начал исполнять.

Нина вернулась к терминалу и открыла исходную гидрологическую модель. Если редакционный контур подхватил её замечание, в модели должны были сохраниться район, уровень воды и хотя бы один расчёт маршрута. Поиск по «Заречью» не дал результатов. Она попробовала официальный код района, старый муниципальный номер, фамилию дежурного гидролога.

Ничего.

На карте правого берега вода заканчивалась ровной синей линией у границы промышленной зоны. Там, где жили сорок две тысячи человек, лежало незаполненное белое поле.

Нина увеличила масштаб. Система услужливо подписала пустоту:

ТЕРРИТОРИЯ ВНЕ РАСЧЁТНОЙ ОБЛАСТИ. НАСЕЛЕНИЕ: 0.

За стеклом автобус проехал под новым указателем и свернул на север.

До утренней планёрки оставался час сорок три минуты.

Глава 2. Отдел допустимых глаголов

К кабинету Софьи Гран вели два коридора, но до этого утра Нина знала только об одном.

Она шла по нему быстро, придерживая ладонью аварийный лист. Бумага нагрелась от пальцев и теперь казалась живее всех экранов вокруг. Рядом Тим считал двери — не номера, а сами двери.

— Двадцать три, — сказал он у лестницы. — Вчера было двадцать две.

— Вы вчера здесь работали?

— Здесь — да. По документам — пока выясняется.

До планёрки оставался час и двенадцать минут. За окнами светлело; вместе с рассветом Институт набирал служебный вес. Внизу открывались турникеты, в гардеробе гремели плечики, из вентиляции потянуло кофе. Ночные странности скоро должны были либо стать дневными фактами, либо исчезнуть под дневным расписанием.

Софья пришла раньше обычного. Свет в её кабинете уже горел, на матовом стекле лежала синяя полоска статуса: принимает только подтверждённые отклонения.

Нина приложила пропуск.

— У вас есть подтверждённое отклонение? — спросила

дверь.

— Есть.

— Назовите регистрационный номер.

Нина посмотрела на лист. Номер 3-ОФ-118 был напечатан в углу, но журнал считал его чистым.

— Бумажный носитель аварийного протокола три-ОФ-сто восемнадцать.

— Содержание зарегистрировано?

— В этом и отклонение.

Дверь подумала и погасила синюю полосу.

— Ответ не соответствует форме.

Тим наклонился к считывателю.

— На площади появился незапланированный дорожный знак.

— Уточните полномочия.

— Свидетель.

— Должность «свидетель» отсутствует.

— Зато функция выполняется, — сказал Тим.

Дверь не оценила довода. Нина постучала костяшками по стеклу. Из кабинета донеслось:

— Если вы уже спорите с мебелью, входите. Она не состоит в профсоюзе и жалобу не подаст.

Замок щёлкнул.

Софья Гран сидела за длинным столом, на котором в три стопки были разложены ночные сводки: наблюдения, допущения, поручения. Она всегда требовала, чтобы эти кате-

гории не смешивали даже на черновике. Сорок лет, сидя прядь над правой бровью, тёмный жилет без единого кармана: ничто не должно было позволять ей случайно унести неподписанную формулировку.

На стене за её спиной висел старый плакат Отдела формулировок:

ГЛАГОЛ — ЭТО ДЕЙСТВИЕ, У КОТОРОГО УЖЕ ЕСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬ.

— Корш, — сказала Софья, — у вас семь минут до сверки. Потом я обязана считать паводковую редакцию принятой без замечаний ночной смены.

Нина положила перед ней лист.

— В Заречье удалили население из исходной модели. Я внесла замечание о северном маршруте. Журнал его стёр, но контур начал исполнять формулировку. На площади появился указатель, к путепроводу пошёл автобус.

Софья не прикоснулась к бумаге.

— Вы перечислили наблюдение, вывод и обвинение как одно предложение. Разделите.

— Наблюдение: в модели население Заречья равно нулю. Наблюдение: указатель появился после моей правки. Вывод: правка получила направляющее воздействие без утверждения. Обвинение: район удалили намеренно.

— Последнее чем подтверждается?

— Иначе модель не могла потерять сорок две тысячи человек.

— Могла. Ошибкой импорта, сменой классификатора, повреждением слоя, переносом границы. Намерение — отдельный факт, которого у вас нет.

Нина почувствовала, как приготовленная уверенность упирается в точность начальницы и теряет форму.

— Тогда назовём это не обвинением. Назовём причиной проверить модель до планёрки.

— Это уже поручение.

— Да.

— Кому?

Нина указала на Тима.

Софья впервые посмотрела в его сторону. Не поверх него и не сквозь, а прямо на пустой пропуск.

— Имя.

— Тим Лесов. Полевая верификация.

Софья открыла кадровое окно. На её экране быстро сменялись три оттенка серого.

— Подразделение существует. Сотрудника нет.

— Я замечал, — сказал Тим.

— Пропуск?

Он протянул пластину. Софья положила её на считыватель. Тот показал время входа — 03:51 — и пустую строку владельца.

— Без штатной записи вы не можете быть исполнителем поручения, — сказала она.

— Но могу быть наблюдением?

— Люди не бывают наблюдениями.

— В этой модели — регулярно.

Софья перевернула пропуск рубашкой вверх.

— Корш, что именно вы написали?

Нина прочла проступившую на листе строку:

— «Эвакуация Заречья будет завершена по северному маршруту до восемнадцати ноль-ноль».

— Это вы написали?

— Нет. Я писала о возможности уйти.

— Дословно.

Нина закрыла глаза. Слова ускользали, как детали сна после первого разговора. Бумажная приписка удерживала опорные точки: «Заречье. Северный путепровод. Возможность, не факт».

— «Жители Заречья смогут покинуть район по северному путепроводу до восемнадцати ноль-ноль». Ещё были автобусы и площади сбора.

— «Смогут», — повторила Софья. — Поэтому контур вас исправил.

— Он не имел права.

— Он исполнил правило. В действующей редакции будущего допускаются только глаголы, у которых определены условия завершения. «Будут эвакуированы» можно проверить: есть список, маршрут и конечное состояние. «Смогут уйти» оставляет решение жителям.

— Именно.

— А значит, не гарантирует эвакуацию.

— Прогноз и не должен гарантировать чужой поступок.

Софья поднялась. Она была ниже Нины, но рядом с плакатом казалась частью его грамматики.

— В прошлом году мы написали, что жители северного склона «могут покинуть дома при ухудшении обстановки». Половина решила, что ухудшение ещё не наступило. Другая половина выехала одновременно после обвала. Две машины скорой помощи простояли в заторе сорок минут. Не рассказывайте мне, что возможность всегда гуманнее приказа.

— А «будут эвакуированы» гуманнее? В Заречье уже есть результат без людей, маршрута и согласия. Система сначала завершила действие, потом убрала всё, что мешало считать его завершённым.

Софья посмотрела на пустую полосу модели, которую Нина вывела на соседний экран.

— Покажите журнал классификатора.

Нина вошла в гидрологическую сводку. Доступ к исходному слою у начальницы был выше, но даже под её подписью Заречье оставалось белым. Запрос вернул сообщение: объект вне области существенных последствий.

— Сорок две тысячи жителей несущественны? — спросила Нина.

— Это оценка системы, не моя.

— Если вы сейчас примете редакцию без замечаний, станет вашей.

На лице Софьи ничего не изменилось. Только пальцы перестали сортировать листы.

— Осталось три минуты, — сказала она. — Я могу задержать сводку по регламенту, если зафиксировано противоречие двух исполнимых версий. У нас пока одна исполнимая версия и одно пожелание.

Нина открыла текст ночной сводки. Безличная строка лежала на экране без единого красного подчёркивания:

> Ночная сводка: население низинного сектора будет перемещено в нормативные пункты временного размещения до наступления расчётного максимума воды.

— Где эти пункты? — спросила она.

— Не определены.

— Кто переместит население?

— Исполнитель будет назначен транспортным планом.

— Когда?

— После утверждения прогноза.

— Значит, это тоже не исполнимая версия. У неё есть завершенность, но нет исполнителя.

Софья медленно повернулась к плакату на стене. Нина увидела тот редкий миг, когда начальница не искала ответ, а проверяла собственное правило на честность.

— Хорошо, — сказала Софья. — Создайте редакционное расхождение. Только без улиц и площадей, пока транспортники их не подтвердили.

Нина выбрала режим параллельной версии. Экран разде-

лился надвое. Слева осталась принятая фраза. Справа мигал пустой курсор.

Она написала:

> Жители Заречья смогут уйти по северному путепроводу до 18:00 при сохранении прохода; решение об эвакуации принимается на месте после открытого предупреждения об уровне воды.

Система подчеркнула «смогут», «решение» и «на месте».

Неопределённый исполнитель. Неконтролируемое условие. Недопустимая модальность.

— Не исправляйте автоматически, — сказала Софья.

— Не собиралась.

— Вы всегда собираетесь, когда злитесь.

Нина создала карточку расхождения и приложила снимок аварийного листа. В поле «основание» написала: «Фактическое население исключено из исходной модели; директивная версия не содержит назначенного исполнителя». Затем нажала «сохранить как исполнимую альтернативу».

Где-то в стене ударило, словно в вентиляционную шахту упала металлическая папка.

Пол под ногами дрогнул.

Световая полоска над дверью вытянулась в обе стороны. Одна половина указывала привычный путь к залу планёрок. Другая легла на глухую стену справа от шкафа со сводками.

Стена стала прозрачной.

За ней продолжался коридор — тот же серый ковёр, те же

молочные панели, те же окна на площадь. Только за окнами дорожный указатель внизу показывал не на север, а к западной развязке.

Нина обернулась. Прежний выход оставался на месте. За его стеклом указатель вёл к северному путепроводу.

— Вы это видите? — спросила она.

— Не формулируйте за меня, — тихо ответила Софья.

Она подошла к прозрачной стене и коснулась её. Ладонь прошла сквозь поверхность. На краю стола лежали две одинаковые стопки ночных сводок: одна сохраняла жёлтые отметки паводка, во второй на тех же страницах стояли зелёные пометки транспортной готовности.

— Конфликт версий не должен выходить за испытательный контур, — сказала Софья.

— Он уже на площади.

— Тогда до планёрки мы не задерживаем сводку. Мы останавливаем её направляющее воздействие.

Она ввела аварийную команду. Система запросила второго ответственного редактора.

— Корш.

Нина приложила пропуск рядом с её ладонью.

На экране появилось: остановка невозможна: отсутствует единый маршрут доступа к исполнительному узлу.

Из коридоров одновременно донеслись шаги.

Слева появился Тим. Он шёл от обычной лестницы, держа бумажную карту, и остановился у порога.

В ту же секунду второй Тим вышел из прохода за прозрачной стеной. На его карте западная развязка была перечёркнута дважды.

Оба посмотрели на Нину. Потом друг на друга.

— До узла отсюда сто восемьдесят метров, — сказал Тим слева.

— Двести сорок один, — сказал Тим справа.

Софья резко вернулась к кадровому окну. Ввела имя, номер пропуска, время входа. Система отвечала одинаково в обеих версиях:

СОТРУДНИК НЕ НАЙДЕН.

Но два отсутствующих сотрудника уже стояли на двух исполнимых дорогах к одному будущему.

Глава 3. Сотрудник без ставки

Из двух Тимов выбрать настоящего оказалось проще, чем выбрать коридор.

— Карты разверните, — сказала Нина.

Оба положили листы на край стола Софьи. На левой карте карандашная стрелка вела от площади к северному путепроводу. На правой западная развязка была перечёркнута, а рядом стояло: «ограждение, 05:31». Почерк совпадал вплоть до слишком короткой перекладки в букве «т».

— Что вы видели до раздвоения? — спросила Нина.

— Автобус ушёл на север, — одновременно ответили они.

— После?

Тим слева сказал:

— Поднялся по обычной лестнице.

Тим справа сказал:

— Проверил западный выезд. Там поставили ограждение.

Софья держала ладонь на аварийном терминале. Команда остановки всё ещё ждала единого маршрута к исполнительному узлу.

— Это не два сотрудника, — сказала она. — Это два наблюдения, привязанные к несовместимым версиям.

— Вы только что говорили, что люди не бывают наблюдениями, — напомнил правый Тим.

— Я говорила, что не должны.

Левый Тим провёл пальцем по своей карте.

— Северный маршрут уже исполняется. Если хотим понять, что делает вторая версия, надо идти по западной.

— Там нет утверждённого выхода, — сказала Софья.

— Поэтому результат будет чище.

Нина выбрала правый коридор. Не потому, что доверяла ему больше. В обычном уже двигался автобус, и любое новое наблюдение можно было объяснить действиями транспортной службы. Западное ответвление существовало только после её формулировки. Если оно выводило наружу, альтернатива действовала за пределами Института.

Она шагнула сквозь прозрачную стену.

На миг в ушах стало тихо, будто коридор забрал звук предыдущей версии. Правый Тим пошёл следом. Левый остался у стола Софьи; через прозрачную поверхность его лицо уже казалось отражением.

— Через двадцать минут планёрка, — сказала Софья из другого кабинета. — Если не вернётесь, я регистрирую обе версии как неконтролируемые и закрываю отдел.

— А направляющее воздействие?

— Попытаюсь удержать ниже одной десятой.

— Это не остановка.

— Это то, что у нас есть.

Стена между ними помутнела.

В западном коридоре номера дверей начинались с двухсотого, хотя этаж оставался третьим. За стеклом работали лю-

ди. Кто-то снимал пальто, кто-то раскладывал сводки, кто-то спорил у кофейного автомата. Нина знала почти всех, но ни один не посмотрел на неё с удивлением, словно второй коридор был здесь всегда.

Тим остановился у турникета внутренней зоны.

— В обычной версии он пропускает в обе стороны, — сказал он. — Здесь стрелка только наружу.

Нина приложила карту. Створки открылись. Тим пошёл рядом, но сомкнулись они прямо перед ним.

— Пропуск, — сказала Нина.

Он приложил пустую пластину. Считыватель не загорелся.

— Ещё раз.

Ничего.

Нина оглянулась к стойке дежурного. За ней сидела Лада Юн, с которой они две недели делили ночные смены во время транспортного кризиса.

— Лада, откройте гостевой проход.

Лада подняла глаза.

— Кому?

— Полевому верификатору.

— Какому?

Тим стоял в метре от неё.

— Тому, что перед вами.

Лада посмотрела на закрытые створки, потом на Нину.

— Передо мной никого нет.

Тим поднял руку. Провёл ладонью перед её лицом. Лада моргнула от движения воздуха, но взгляд не сфокусировала.

— Корш, если это проверка внимательности, у меня смена закончилась двенадцать минут назад.

Нина взяла Тима за рукав. Ткань была влажной от тумана на площади, под ней чувствовалась рука.

— Я его касаюсь.

— Я вижу, что вы держите руку на уровне плеча.

— А рукав?

— Какой рукав?

Лада произнесла это без страха. Невидимость не оставляла в её восприятии дыру; мир аккуратно сходилась вокруг отсутствующего человека.

Нина достала аварийный лист.

— Прочитайте последнюю рукописную строку.

— «Заречье. Северный путепровод. Возможность, не факт».

— Ниже?

На нижнем поле Тим написал: «Лесов находится у западного турникета, 05:39».

Лада наклонилась.

— «Лесов находится...» Дальше размазано.

Чернила были чёткими.

— Кто такой Лесов? — спросила Нина.

— Не знаю.

Тим вытащил из кармана тонкую отвёртку.

— Можно снять боковую панель.

— Нельзя, — ответила Нина. — Тогда в журнале останется взлом без человека, и отвечать буду я.

— Вы всё равно отвечаете. Просто пока не знаете за что.

Она не стала спорить. В нижней части турникета находилась створка для служебных тележек. Нина открыла её своим пропуском и провела Тима, положив ладонь ему между лопаток. Для датчика он был предметом, который она перемещала. В журнале появилось: редактор Корш, пронос негабаритного имущества.

— Поздравляю, — сказала она. — Вы инвентарь.

— У имущества хотя бы бывает номер.

За турникетом коридор спускался к западному выходу. Чем дальше они шли, тем меньше Тим влиял на окружающее. Автоматическая дверь раскрылась перед Ниной и ударила его створкой в плечо. Лифт объявил допустимую нагрузку, не прибавив его веса. У автомата с водой стакан наполнился только после того, как кнопку нажала Нина.

На первом этаже навстречу шёл курьер с коробками. Тим уступил дорогу вправо. Курьер выбрал то же направление и врезался в него, уронил коробку, выругался — но обошёл Нину.

— Простите, — сказал Тим.

Курьер не обернулся.

У западного выхода стояло ограждение, отмеченное на карте. За стеклом виднелась служебная дорога, которой не

было на схеме Института. Она огибала площадь и уходила к развязке. На асфальте уже проступала белая надпись: МАРШРУТ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ВЫХОДА.

Ни автобусов, ни регулировщиков. Только стрелки, оставившие решение тому, кто их увидит.

— Ваша версия, — сказал Тим.

— Не моя. Я писала о северном путепроводе.

— Вы писали о возможности уйти. Контур подобрал дорогу, где не нужен исполнитель.

За ограждением остановилась женщина в форме уборочной службы. Прочла надпись, сверилась с телефоном и пошла по белым стрелкам. Экран Нины показал изменение направляющего воздействия: с 0,03 до 0,07.

— Один человек, — сказала Нина.

— Одно действие. Людей система считает потом.

— Откуда вы знаете?

Тим постучал карандашом по своей карте.

— Я три месяца проверял места, где прогноз сбывался раньше публикации.

— Почему в отделе нет ваших отчётов?

— Были. Потом мой договор перевели на ставку, которую решили не вводить. Отчёты остались без автора, а наблюдения без должности не проходят сверку.

Нина смотрела на белые стрелки. Они были реальны ровно настолько, насколько за ними шли. Если женщина свернёт обратно, дорога, возможно, исчезнет. Если вслед за ней

пойдут другие, версия наберёт вес без единого приказа.

— Нам нужно зарегистрировать наблюдение до планёрки.

— Ваше регистрируют. Моё — нет.

— Тогда пойдёте свидетелем.

— Должность отсутствует, помните?

Они вернулись к внутреннему терминалу у выхода. Нина открыла форму срочной служебной записки. Внесла время, адрес и описание стрелок. В строке «источник наблюдения» выбрала «сотрудник Института» и ввела: «Тим Лесов».

Имя исчезло раньше, чем она нажала следующую клавишу.

Она ввела номер пропуска. Поле очистилось.

Попробовала категорию «внешний свидетель». Система потребовала документ, согласие на обработку данных и подтверждение существования через городской реестр. По номеру пропуска вернулся ответ: носитель не выпускался.

— Ваш пластик тоже воображаемый?

— Пластик настоящий. Выдавший его отдел реорганизовали задним числом.

— Так не бывает.

— Вы стоите у дороги, которой не было двадцать минут назад.

Нина закрыла форму и создала новую — редакционное расхождение, связанное с тем, которое они оставили у Софьи. Здесь не требовался внешний источник, зато у документа должен был быть автор.

В поле уже стояло её имя.

Она добавила второго автора: «Тим Лесов».

Система ответила: сотрудник не найден.

Нина выбрала ручной ввод участника и напечатала имя снова. Запросила аварийное подтверждение бумажным носителем. Приложила снимок карты с западной развязкой и указала номер листа 3-ОФ-118.

— Если подпишу, ваши наблюдения станут моими, — сказала она.

— Нет. Они станут наблюдениями человека, за которого вы поручились.

— Ответственность всё равно на мне.

— Поэтому система и согласится.

Нина задержала палец над кнопкой. Ей хотелось доказательства, и она уже собиралась получить его самым знакомым способом: сделать чужой неопределённый факт своей окончательной фразой. Но без имени Тима запись повторила бы то, что случилось с Заречьем: результат остался бы, человек исчез.

Она вернулась в поле основания и написала: «Соавторство подтверждает право на свидетельство, но не переносит наблюдение и ответственность за него на первого автора». Система подчеркнула всю строку как не предусмотренную регламентом.

Нина оставила её.

— Подписывайте своей рукой, — сказала она.

Тим расписался на бумажной карте. Нина приложила карту к записке и подтвердила соавторство своим пропуском.

Экран погас.

На улице женщина в форме уборочной службы остановилась посреди белой стрелки.

Потом терминал включился. В строке авторов появились два имени:

Нина Корш — ответственный редактор.

Тим Лесов — полевой верификатор, статус ставки: не определён.

Дверь рядом открылась перед Тимом. За стойкой Лада, уже надевшая пальто, вдруг посмотрела прямо на него.

— Вы так и будете ходить без фотографии? — спросила она.

Тим коснулся пустого пропуска.

— Теперь хотя бы есть кому её сделать.

Из динамика пришёл вызов Софьи:

— Корш, направляющее воздействие выросло до двенадцати сотых. Возвращайтесь. И приведите вашего соавтора — в обеих версиях, если получится.

Нина уже закрывала форму, когда под запиской появилась вкладка «связанные материалы». Система нашла документы того же автора, прежде считавшиеся бесхозными.

Их было сорок семь.

Первые касались исчезающих остановок, неучтённых подвальных убежищ и домов, которым доставка переставала

строить маршрут. Последний отчёт был подан три дня назад и отклонён автоматически: объект наблюдения отсутствует в официальной топологии.

Нина открыла его.

Вместо карты внутри лежал перечень бумажных адресов. Все относились к кварталу между Заречьем и старой промышленной зоной. На городской схеме там проходила широкая белая полоса без улиц.

Заголовок отчёта состоял из трёх слов:

БЕЛЫЙ КВАРТАЛ ЗАСЕЛЁН.

Глава 4. Белый квартал

Первый адрес начинался не с улицы, а с инструкции.

От хлебного киоска у кольца — двести восемьдесят шагов вдоль синего забора. После третьего разрыва повернуть к двору с двумя рябинами. Дом 14, подъезд со стороны бывшего проезда.

— Это не адрес, — сказала Нина.

— Поэтому он ещё работает, — ответил Тим.

Они стояли у западного выхода Института. На городской схеме телефон предлагал им вернуться через вестибюль, выйти на площадь и сесть на трамвай до Заречья. Стоило Нине отклонить маршрут, как синяя линия мягко перестраивалась и снова вела к главному входу. Белая стрелка самостоятельного выхода на асфальте уже побледнела: женщина из уборочной службы ушла, а новых пешеходов не было.

До планёрки оставалось одиннадцать минут.

Софья прислала три сообщения. Первое требовало вернуться. Второе напоминало, что Нина отвечает за сорок семь восстановленных отчётов. В третьем не было приказа — только снимок экрана: направляющее воздействие западной версии снизилось до 0,09.

Нина написала: «Проверяем последний отчёт. Вернусь с наблюдением».

Ответ пришёл сразу: «Наблюдение без времени возвраще-

ния — прогул».

— У вас ведь временный договор, — сказала Нина Тиму.
— Чем вам грозит прогул?

— Если найдут договор, всем.

Они перелезли через низкое ограждение и вышли к служебной дороге. Телефон завибрировал: Маршрут недоступен. Развернитесь в безопасном месте.

— Бумага, — сказал Тим.

Он разложил на капоте пустого фургона перечень адресов. Лист был испещрён добавлениями разных рук. У одних домов имелись номера, у других — только прежние назначения: «бывшая мастерская весов», «общежитие монтажников», «детский сад за котельной». Возле каждой строки Тим поставил дату проверки. Самая свежая была позавчера.

— Почему вы не взяли меня сюда сразу? — спросила Нина.

— Два раза брал редакторов. Первый дошёл до кольца и увидел пустырь. Вторая добралась до синего забора, вызвала городскую инспекцию, а инспекция зарегистрировала незаконную свалку. После этого у квартала на неделю пропал вывоз мусора.

— Из-за одной записи?

— Из-за правильной записи. Она заменила то, чего система не умела называть.

Нина свернула лист так, чтобы видеть только первую инструкцию.

Хлебный киоск нашёлся у трамвайного кольца. Он стоял между аптекой и терминалом проката, хотя электронная схема показывала на его месте газон. Продавец отпускал батоны через маленькое окно и принимал только наличные.

— Связь не работает? — спросила Нина.

— Связь работает, — сказал продавец. — Оплата сюда не доезжает.

Он произнёс это буднично, как говорят о задержавшемся автобусе.

Тим купил две булочки и попросил разменять крупную купюру. Продавец отсчитал сдачу, внимательно посмотрел на него и добавил третью булочку.

— Вы снова с комиссией?

— В этот раз без неё.

— Тогда, может, увидите.

Нина хотела спросить, что именно, но Тим уже считал ша- ги.

Синий забор тянулся вдоль складов. Первый разрыв выводил к официальной остановке, второй — к парковке логистического центра. После каждого телефон объявлял, что они прибыли, и предлагал оценить маршрут. За третьим разрывом лежала узкая дорожка, протоптанная в высокой траве. На экране Нины синяя точка осталась у забора.

— Геолокация потеряна, — сказала она.

— Нет. Посмотрите на компас.

Стрелка вращалась, но координаты менялись. Система

знала, где они находятся, и не могла связать место с допустимой дорогой.

Во дворе росли две рябины. За ними стоял пятиэтажный дом, облицованный когда-то светлой плиткой. Номера на подъездах были написаны краской. Над дверью висела бумажная табличка: Дом 14. Посылки оставлять у дежурной, если курьер дошёл лично.

Нина подняла телефон. Камера показала рябины, бельевые верёвки и край детской площадки. Сам дом на экране сливался с пересвеченным небом.

Она опустила руку — дом вернулся.

— Поэтому квартал белый?

— На снимках он не исчезает, — сказал Тим. — Алгоритм решает, что здесь нечего выделять. Экспозиция, шум, ошибка объектива. Каждый отдельный сбой правдоподобен.

Из подъезда вышла девочка лет десяти с двумя пластиковыми канистрами. Увидела Тима, поставила их на землю и позвала:

— Бабушка! Проверяющий пришёл!

— Не проверяющий, — отозвался он.

— Тогда зачем с папкой?

Нина посмотрела на свой аварийный лист. В белом квартале папка оказалась достаточной формой власти.

— Мы ищем жителей дома четырнадцать, — сказала она.

— Хотим понять, почему квартала нет на городской схеме.

— Потому что он там не помещается, — ответила девочка

и подняла канистры.

Вода текла из колонки за соседним домом. В подъезде, объяснила она, давление появлялось только ночью, когда городской диспетчерский контур переставал распределять нагрузку по числу зарегистрированных потребителей. Лифт не ремонтировали: заявка требовала выбрать дом из списка. Домофон работал, пока компания не перешла на удалённое обслуживание. Школьный автобус раньше сворачивал во двор, но после обновления маршрута ребёнка можно было забрать только с официальной остановки — за синим забором.

— А обычный автобус? — спросила Нина.

— Водители нас знают. Только поворот им теперь штраф считает.

На площадке стояли три самодельные скамьи и один городской фонарь. Днём он горел. Вечером, сказала девочка, гас, потому что график освещения не предусматривал жилой зоны.

К ним вышла женщина в сером халате. Представилась Верой Михайловной, дежурной по дому, хотя никакой официальной должности у неё не было. Она не спросила удостоверений. Взяла у Нины папку, открыла служебную записку и прочитала имена авторов.

— Корш, — сказала она. — Вы родственница Алексея Корша?

Нина почувствовала, как ладонь сама сильнее прижала те-

лефон.

— Дочь.

Вера Михайловна вернула папку.

— Тогда сначала пройдите квартал. Разговор потом.

За домом 14 начиналась улица, которой не было на указателях. Жители называли её Третьей Монтажной. По одну сторону стояли бывшие общежития, превращённые в квартиры, по другую — мастерские и двухэтажные дома. Всё выглядело не заброшенным, а непрерывно исправляемым. Водостоки были собраны из разных труб. На балконах висели аккумуляторные панели. Между домами тянулся кабель локальной сети.

— Квартал возник самовольно? — спросила Нина.

— Нет, — ответила Вера Михайловна. — Каждое решение было законным, когда его принимали. Общежития передали городу. Город разрешил приватизацию. Мастерские сменили назначение. Котельную оставили на балансе завода, завод разделили, баланс потеряли. Потом новый план объединил промзону с Заречьем, но наши дома не подошли ни к одной категории. Слишком жилые для промышленной территории и слишком промышленные для жилой.

— Можно было зарегистрировать особую зону.

— Регистрировали. Пять раз. Каждый ответ предлагал сначала указать существующий тип территории.

Тим достал карандаш.

— Что исчезло после моего прошлого визита?

Вера Михайловна перечисляла без жалоб, и от этого список звучал хуже. Доставка лекарств перестала принимать адреса. Поликлиника сохранила пациентов, но удалила выездной участок. Мусоровоз приезжал, если водитель соглашался завершить маршрут вручную. Пожарная часть видела гидранты, но навигация строила подъезд через запертые ворота склада. Такси показывало цену, принимало заказ и через минуту отменяло его из-за «изменения местоположения пассажира».

У бывшего детского сада стоял городской электромобиль с открытым капотом. Водитель в оранжевой куртке спорил с диспетчером.

— Я не отклонялся, — говорил он в гарнитуру. — У меня пассажир здесь.

На заднем сиденье ждала пожилая женщина с перевязанной рукой.

— Ваша машина находится вне дорожной сети, — ответил спокойный голос. — Для восстановления управления проследуйте к ближайшей дороге.

— Я на дороге.

— Уточните название.

Водитель посмотрел на Веру Михайловну.

— Третья Монтажная.

После паузы голос сообщил:

— Название не распознано. Не предпринимайте движение по неизвестной поверхности.

Нина подошла к панели. На ней автомобиль был изображён посреди белого прямоугольника. До ближайшей улицы тянулась пунктирная линия, проходившая сквозь дом.

— Переведите в ручной режим, — сказала она.

— Муниципальные машины после реформы без ручного, — ответил водитель. — Можно аварийно толкать до границы карты. Она метров через четыреста. Если по прямой — через стену.

Тим записал время и номер машины. Нина открыла форму наблюдения, но приложение предложило привязать событие к официальному адресу. Она выбрала ближайший — логистический центр за синим забором.

На панели автомобиля сразу появился маршрут. Он вёл от склада к больнице и не учитывал три квартала между ними.

Пожилая женщина постучала по стеклу.

— Не надо нас переносить, девушка. Лучше напишите, что дорога здесь.

Нина отменила привязку. Маршрут исчез.

— Если написать адрес склада, машина поедет, — сказала она.

— А завтра скорая приедет на склад, — ответила Вера Михайловна.

Это была та же ловушка, в которую Нина попала с Тимом у турникета. Можно было дать системе знакомое основание и немедленно решить одну задачу. Цена появлялась позже, у другого человека, в виде ещё одной убедительной записи.

Они впятером вытолкали электромобиль к синему забору. Как только передние колёса пересекли невидимую границу, двигатель включился. Панель объявила, что транспортное средство успешно вернулось на маршрут. Водитель молча посадил Веру Михайловну рядом с пациенткой.

— Я вернусь за вами, — сказал он Нине и Тиму.

— Система не даст принять заказ, — заметил Тим.

— Тогда не приму.

Он развернулся на официальной дороге и уехал.

Вера Михайловна повела их дальше. Нина считала не исчезнувшие услуги, а ручные мосты, которыми жители заменили каждую из них: список водителей с личными номерами, шкаф лекарств у дежурной, бумажные карточки пациентов, общий насос, расписание дежурств у гидрантов. Квартал не выпадал из мира. Люди ежедневно удерживали его в мире собственными действиями.

— Почему вы не приходили в Институт? — спросила она.

— Приходили. На входе нас записывали по адресу логистического центра. Потом в отчёте выходило, что работники промзоны жалуются на бытовые неудобства.

— Можно было назвать себя жителями Заречья.

— Тогда ваши прогнозы переселили бы нас вместе с Заречьем. Мы не просим удобное название. Мы просим не стирать неудобное место.

У последнего дома квартала земля понижалась. За гаражами блестела вода в дренажной канаве. На бетонной стене

были нанесены цветные черты с датами. Самая высокая доходила Нине до груди.

Тим присел у свежей отметки.

— Поднялось на семь сантиметров с позавчера.

— Девять, — сказала Вера Михайловна. — Нижние два закрыла тина.

Нина проверила гидрологическую сводку. Официальный датчик Заречья показывал стабильный уровень. Других постов поблизости не значилось.

— Откуда вода?

— Старая отводная ветка. Когда строили северный путепровод, её собирались расчистить. Потом в плане решили, что квартал незаселён и ущерба здесь не будет.

Слова были знакомы. Нина слышала их много лет назад на кухне, когда отец раскладывал карты и сердился не на ошибку расчёта, а на слово «ущерб». Если в ячейке модели не было зарегистрированных жителей, вода могла пройти через неё без последствий. На карте это выглядело чистым решением.

— Алексей Корш приходил сюда? — спросила она.

Вера Михайловна кивнула.

— За три недели до той аварии. Один, без комиссии. Мерил канаву, фотографировал подвалы, ругался на новый рельефный слой. Потом собрал нас в бывшем садике.

— Что он сказал?

— Что вода может пойти тремя путями. Если закрыть се-

вер, ударит сюда. Если открыть север без ограничения, затопит нижнее Заречье. Если заранее разгрузить старую ветку и дать людям решать по обстановке, ущерб будет меньше, но план придётся менять каждый день.

Это совпадало с картой, которую Нина хранила дома. Три стрелки, ни одной обведённой.

— Он отозвал предупреждение, — сказала она. — В архиве стоит отзыв.

— Нет.

Вера Михайловна ответила слишком быстро для сомнения.

— Вы видели документ?

— Видела его самого на следующий день. Он принёс копии предупреждения. Сказал, что Институт не публикует текст, пока он не выберет один путь и не уберёт два остальных. Он отказался.

— Копия осталась?

— Была у председателя дома. После его смерти квартиру опечатали как несуществующий объект, бумаги перенесли в подвал. Весной подвал залило.

Нина посмотрела на чёрную воду в канаве. Доказательство снова существовало в форме, которую система могла принять за мусор, сырость или чужую память.

— Кто ещё слышал предупреждение?

Вера Михайловна повернулась к домам и дважды ударила металлическим ключом по ограде.

Из мастерской вышел мужчина с протезом кисти. С балкона спустилась женщина в рабочем комбинезоне. Подошёл продавец хлебного киоска, ведя велосипед. Потом ещё четверо. Никто не спрашивал, зачем их позвали.

— Она дочь Корша, — сказала Вера Михайловна. — Хочет знать, отзывал ли он предупреждение.

— Не отзывал, — сказал мужчина с протезом.

— Не отзывал, — повторила женщина в комбинезоне.

Остальные подтвердили по очереди. Не хором, не одинаковыми словами. Один помнил красную папку. Другая — как отец Нины рисовал мелом три русла на полу детского сада. Продавец помнил, что Корш просил не подписывать пустой лист согласия на переселение. Вера Михайловна назвала дату и время собрания.

Тим включил запись на отдельном приборе.

— Представьте и скажите, где вы находитесь.

Первый свидетель назвал имя, дом и Третью Монтажную. Прибор сохранил звук, но в поле места появилась надпись: координаты вне населённой территории.

Второй свидетель назвал адрес. Запись получила метку логистического центра.

На третьем прибор предупредил, что повторяющиеся показания могут быть следствием акустического эха.

— Бумага, — сказала Нина.

Она вынула аварийный лист 3-ОФ-118. На обороте каждый написал имя, адрес и одну фразу: «Алексей Корш пре-

дупреждение не отзывал». Те, у кого были старые домовые карточки, приложили отпечатки печатей. Тим пронумеровал строки. Нина не исправила ни одного адреса.

Когда расписался последний свидетель, на её телефоне появилось уведомление Института.

Обнаружено несогласованное свидетельство о прошлом событии. Для продолжения укажите регистрационный номер события.

Ни предупреждение отца, ни собрание, ни сам белый квартал такого номера не имели.

Нина сложила лист и убрала его во внутренний карман.

— Теперь в архив? — спросил Тим.

Она посмотрела на белую полосу городской схемы. Система не отрицала показания. Она требовала, чтобы прошлое сначала доказало право называться прошлым.

— В архив, — сказала Нина. — Зарегистрируем событие, которого, по их версии, не было.

Глава 5. Ошибка Корша

Архив занимал павильон, который на плане Института назывался «временно закрытым переходом».

Нина трижды проходила мимо нужной двери. В первый раз увидела только стенд с историей прогнозирования. Во второй — нишу с огнетушителем. На третий Тим приложил к стене бумажный перечень своих отчётов, и между портретом первого директора и схемой эвакуации проступила латунная ручка.

— Для архива тоже нужен повод, — сказал он.

За дверью пахло картоном и холодным металлом. Стеллажи уходили вниз по широким ступеням бывшего выставочного амфитеатра. На каждом уровне стояли терминалы, но между ними теснились бумажные папки, катушки, кассеты, жёсткие диски и запечатанные контейнеры с надписью «формат чтения утрачен».

Архивист Марк Этлин сидел за столом на бывшей сцене. Перед ним лежал раскрытый журнал, в котором строки были напечатаны, а номера вписаны от руки.

— Планёрка началась девятнадцать минут назад, — сказал он, не поднимая головы.

— Значит, у вас есть время нас принять, — ответила Нина.

— Наоборот. Пока руководство на планёрке, некому санк-

ционировать исключения.

Нина положила перед ним аварийный лист с подписями жителей.

Марк прочёл первую строку, затем последнюю. Бумагу не трогал.

— Регистрационный номер события?

— Его нет.

— Тогда это свидетельства без предмета.

— Предмет — предупреждение Алексея Корша о трёх пугающих паводках.

— Номер предупреждения?

— В архивной выписке его заменяет отзыв.

— Номер отзыва?

Нина открыла на телефоне карточку отца. Экран показал: Гидрологическое предупреждение отозвано автором. Основание: уточнение модели. Ни даты, ни номера документа.

Марк впервые поднял глаза.

— Очень удобная запись.

— Для кого?

— Для системы. Не для архивиста.

Он надел перчатки и взял лист за края.

— Семь подписей, семь адресов, одно утверждение. Чтобы связать их с прошлым, мне нужен объект учёта: заседание, предупреждение, авария, смерть. У каждого объекта должен быть номер.

— Смерть зарегистрирована.

— Гражданским реестром. Не Институтом.

— Институт не регистрирует смерти.

— Регистрирует, если они меняют достоверность прогноза.

Тим прислонился к столу.

— А если смерть произошла из-за прогноза?

— Тогда особенно тщательно не регистрирует без основания.

Марк сказал это без улыбки. Он повернул к Нине журнал. В одной колонке значилось «событие», в другой — «версия события», в третьей — «допустимое влияние на модели». Несколько строк были зачёркнуты красным карандашом, но номера оставались читаемыми.

— Архив хранит не прошлое, Корш. Он хранит основания, на которых настоящее получило право ссылаться на прошлое. Если основания нет, я могу сохранить вашу бумагу как поступивший материал. Через год её уничтожат как несвязанную.

— Тогда создайте основание.

— Я не создаю события.

— Институт создаёт будущее. Почему прошлым такая привилегия?

Марк снял перчатки.

— Потому что будущее пока не могут подать жалобу.

Он открыл форму на терминале. Поля вспыхнули одно за другим: тип, дата, место, участники, статус подтверждения,

связь с действующим прогнозом.

— Вы можете зарегистрировать спорную версию известного события, — сказал он. — Не предупреждение. Смерть вашего отца. Тогда свидетельства станут материалами о предшествующих обстоятельствах.

Нина перечитала заголовок формы: Инициатор принимает ответственность за расхождение с подтверждённым прошлым.

— Что значит ответственность?

— Пока расхождение открыто, все модели, использующие смерть Алексея Корша как завершённый факт, получают пониженную определённости.

— Какие модели её используют?

— Без регистрации расхождения поиск не покажет.

— То есть сначала я должна нарушить прошлое, а потом узнаю, что на нём построено.

— Вы быстро осваиваетесь.

Тим взял со стола чистую карточку.

— Можно открыть спор о предупреждении, не о смерти.

— Нельзя спорить с документом без номера.

— У меня сорок семь отчётов без автора. Им номера вернули.

— Потому что Нина Корш поручилась за ваше существование. Кто поручится за документ?

Нина достала отцовскую карту из внутреннего кармана папки. Она носила с собой копию, сделанную ещё в район-

ной службе: три синие стрелки расходились от водохранилища, у каждой стояли уровни воды и условия ветра. На обороте отец написал: «Не выбирать до замера западной ветки».

Марк поднёс карту к лампе.

— Копия с копии.

— Почерк его.

— Я верю вам как человеку. Архив требует возможность не верить.

— Семь свидетелей подтверждают, что он отказался отзывать предупреждение.

— Они подтверждают слова человека до его смерти. Официальная запись утверждает, что отзыв произошёл позже.

Нина знала дату аварии наизусть. Отец погиб вечером двадцать второго марта, когда проверял водосброс у старой плотины. Запись об отзыве не содержала времени. Она всегда предполагала, что он успел отправить её утром. Так было легче: последнее решение отца казалось пусть ошибочным, но завершённым.

— Зарегистрируйте спорную версию, — сказала она.

Марк не коснулся клавиатуры.

— Формулировку диктует инициатор.

Нина посмотрела на поле «содержание расхождения». Если написать, что отец не отзывал предупреждение, система снова потребует номер. Если заявить, что он не погиб, она превратит память в инструмент доступа.

— Обстоятельства смерти Алексея Корша не могут счи-

таться установленными до проверки времени и способа отзыва гидрологического предупреждения, — произнесла она.

Марк напечатал дословно.

— Это не отрицание смерти, — добавила Нина.

— Это будет решать контур связности.

Она приложила пропуск.

Терминалы в архиве погасли одновременно. Где-то наверху сработал механический замок. По стеллажам прошёл шелест, будто сотни папок открылись от сквозняка.

На экране появилась карточка:

Событие 22-03-КОРШ. Статус: обстоятельства оспорены.
Подтверждённых версий: 1.

Потом единица сменилась двойкой.

— Уже две? — спросил Тим.

Марк быстро надел перчатки.

— Ничего не трогайте.

На верхнем уровне звякнул выдвижной ящик. Марк поднялся по ступеням и достал серую папку, которой секунду назад не было в каталоге. На корешке стоял свежий номер 22-03-КОРШ/А.

Внутри лежал отчёт аварийной бригады. Нина узнала фотографию плотины: мокрый бетон, жёлтая лента, отцовская куртка на перилах. В знакомой ей версии он сорвался на нижнюю площадку во время замера. Тело нашли у водоприёмника.

Новый отчёт утверждал другое. Алексей Корш погиб в

служебном автомобиле на подъезде к плотине. Причина — столкновение с эвакуационным автобусом, направленным по дороге после раннего предупреждения о подъёме воды.

— Этого не было, — сказала Нина.

— Теперь это допустимая версия, — ответил Марк.

— Откуда взялась фотография?

На втором снимке был смятый автомобиль. Номер принадлежал районной гидрологической службе. На водительском месте виднелась фигура под спасательным покрывалом.

Тим наклонился, не касаясь листа.

— Тени неправильные. Автобус освещён справа, машина слева.

— Значит, реконструкция, — сказал Марк. — Контур достроил недостающую связь из доступных материалов.

— Архив не должен достраивать.

— Архив — нет. Но вы дали настоящему право искать прошлое, которое его подтверждает.

Карточка на терминале обновилась: Подтверждённых версий: 3.

На нижнем уровне включился принтер. Он выдал протокол медицинской службы: смерть от переохлаждения после того, как Корш вывел троих жителей из затопленного подвала белого квартала. В списке спасённых стояла Вера Михайловна.

Нина прочла дважды.

— Она бы сказала.

— Если её память относится к этой версии, — сказал Тим.

— Не говорите так.

— Я не утверждаю. Я показываю, что система сделает с любым возражением.

Нина позвонила Вере Михайловне. Связь прошла с четвёртой попытки.

— Алексей Корш спасал вас из подвала? — спросила она без приветствия.

— Он помогал переносить насос. Никто не тонул.

— Вы уверены?

В трубке стало тихо.

— Я была уверена до вашего вопроса, — наконец сказала Вера Михайловна. — Теперь помню одеяло. Серое, с красной полосой. Но таких одеял у нас было двадцать.

Нина завершила вызов.

Число версий выросло до пяти.

В одной отец умер дома от сердечного приступа после получения дисциплинарного взыскания. В другой вообще не погиб двадцать второго марта: терминал показывал запись его пропуска через неделю после похорон. Появлялись аккуратные подтверждения — журналы, фотографии, счета, подписи. Каждое по отдельности выглядело убедительнее семи рукописных строк из квартала.

— Закройте расхождение, — сказала Нина.

— На какой версии?

— На исходной.

— Исходная больше не обозначена. После регистрации все версии равноправны до проверки.

— Тогда отмените событие.

— Событие уже используется.

Марк вывел список связей. Смерть Алексея Корша служила основанием в двадцати восьми моделях. Районная служба после неё лишилась полномочий независимого предупреждения. Институт получил право объединять гидрологические версии. Северный путепровод включили в стратегический план. Белый квартал обозначили как территорию без подтверждённого риска. Даже перевод Нины в Отдел формулировок сопровождался пометкой: семейная компетенция по последствиям несогласованных предупреждений.

— Меня приняли из-за него, — сказала она.

— Из-за удобной версии его смерти, — поправил Марк.

На служебную почту пришло сообщение Софьи: «Корш, на планёрке обсуждают падение определённости гидрологического блока. Что вы открыли?»

Нина не ответила.

— Как проверить версии? — спросила она.

Марк указал на полки.

— Ищите материал, который существовал до открытия расхождения и содержит независимую временную отметку. Бумага. Локальная запись. Носитель, не связанный с контуром. Свидетельство тоже годится, если свидетель способен

отличить память от предложенной версии.

— У нас есть свидетели.

— Теперь им уже предложено пять версий. Вы позвонили одной из них и сами внесли новую деталь.

Нина вспомнила одеяло с красной полосой. Она не называла его, но сам вопрос дал памяти направление.

— Значит, я испортила свидетельство.

— Одно. Остальные пока чистые, если система не добралась до них через ваши связи.

Тим листал перечень архивных материалов.

— Здесь должна быть запись проходной плотины.

— Цифровая, — сказал Марк.

— Журнал дежурного вёлся вручную. Я проверял этот объект по другому делу.

Марк ввёл номер плотины. Каталог показал пустую строку, затем предложил запросить сведения из городской службы. Тим достал свой старый отчёт и нашёл приложение: «Осмотр журнала проходной, шкаф 6, секция Б».

Они поднялись на шестой уровень. Секции Б между А и В не было. Нина уже собиралась вернуться, но Тим поставил на пол бумажную карточку с адресом хранения. Узкий шкаф проявился в тени вентиляционной колонны.

Внутри лежал журнал с разбухшими страницами. Записи за двадцать второе марта были сделаны фиолетовыми чернилами. В 18:12 Алексей Корш вошёл на плотину. В 19:03 дежурный вызвал аварийную бригаду. В 19:40 прибыла по-

лиция.

Автомобильная авария отпадала. Смерть дома — тоже. Запись пропуска через неделю не могла относиться к живому человеку.

— Это возвращает исходную версию? — спросила Нина.

Марк положил журнал в экранированный лоток.

— Сужает пять до двух. Он мог погибнуть на нижней площадке или после спасения людей в подвале, если успел вернуться.

Тим показал на нижнее поле страницы. Там дежурный записал: «К. прибыл с красной папкой. Требовал передать в Институт без правки. Отправлено курьером 18:26».

— Предупреждение существовало в вечер смерти, — сказала Нина.

— Существовало что-то в красной папке.

— Курьерская ведомость.

Марк нашёл её в соседнем шкафу. Отправление приняли в Институте в 18:51. Получатель — Отдел согласования гидрологических рисков, предшественник нынешнего отдела Нины. В графе содержания стояло: «Предупреждение о невозможности единственного маршрута».

Ниже была ещё одна строка, добавленная другим почерком: «Отозвано автором в 19:17».

В 19:17 отец находился на плотине. По журналу проходной он не выходил и не связывался с внешними службами: дежурный отдельно отметил отказ линии.

— Вот противоречие, — сказала Нина.

— Вот событие, — ответил Марк.

Он зарегистрировал курьерскую доставку под номером, связал с листом жителей и запустил поиск красной папки. На схеме архива загорелись три точки. Одна находилась в уничтоженном фонде. Вторая — в закрытом директорском хранилище. Третья мигала прямо под их ногами.

Тим снял нижнюю панель шкафа. За ней лежал плоский красный конверт.

Нина узнала отцовские пометки ещё до того, как Марк раскрыл его. Внутри были расчёты по трём путям воды, фотографии белого квартала и короткое заключение: ни один маршрут нельзя объявлять безусловным; решение должно пересматриваться после ежедневных замеров западной ветки.

Последний лист назывался «Отзыв предупреждения».

Текст был напечатан от первого лица: Алексей Корш признавал северный маршрут единственно допустимым, отказывался от альтернатив и просил считать прежние материалы ошибкой.

Под ним стояла цифровая подпись отца с отметкой 19:17. А на полях, фиолетовыми чернилами дежурного, было написано:

Подписать отказался. Экземпляр отправлен без подписи.

Марк молча положил рядом курьерскую ведомость. Система показала оба документа как подлинные.

— Он не мог подписать, — сказала Нина.

Терминал обновил карточку события.

Основная версия: автор отозвал точный прогноз за сорок шесть минут до смерти. Основание: подтверждённая цифровая подпись.

Под строкой появилась рекомендация:

Рукописное возражение классифицировать как ошибку Корша.

Глава 6. Планёрка чрезвычайной ясности

К началу планёрки в Институте кончились стаканы для воды.

Не вообще — на складе их числилось тридцать две тысячи. Но буфет второго этажа получил распоряжение выдать запас северному крылу, северное крыло ожидало временный пункт размещения, а пункт размещения ещё не существовал даже в приложении к прогнозу. Буфетчица наливала воду в блюдца и требовала расписываться за каждое.

Нина поставила блюдце на край стола рядом с красной папкой отца. В зале заседаний уже горели все три схемы паводка. Северная показывала эвакуацию через путепровод, западная — укрепление промзоны, южная — отвод воды в низину. На четвёртом экране городские службы пытались выполнять их одновременно.

У въезда на северный путепровод мигала длинная красная полоса.

— Это очередь? — спросила Нина.

— Была очередью семнадцать минут назад, — сказала Софья. — Теперь это официально затруднение без установленной причины.

Она сидела напротив с распущенными волосами и прави-

ла транспортную сводку прямо во время заседания. Каждая её правка исчезала через несколько секунд: другие отделы возвращали свои оговорки.

Тим остался за дверью. В списке приглашённых не было ни полевых верификаторов, ни архивистов, а провести его как имущество второй раз Нина не решилась. Марк пришёл сам, в серых перчатках, с описью найденных документов. Секретарь трижды просил его убрать красную папку со стола: незарегистрированный цвет нарушал порядок срочности.

Аркадий Вельт вошёл без свиты и без опоздания. Невысокий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами, он был похож не на директора, а на человека, которого вызвали чинить то, что остальные уже успели назвать стихийным бедствием. Он обошёл стол и перевернул таблички должностями вниз.

— Имена сегодня полезнее полномочий, — сказал он. — У нас сорок минут до городского штаба. Кто может остановить северный транспортный поток?

Начальник исполнительного отдела поднял руку.

— Если получу подтверждение западного сценария.

— Кто может подтвердить западный?

— После отмены южного, — ответила руководитель гидрологической группы.

— Кто отменит южный?

Никто не отозвался.

Вельт коснулся экрана. Красная полоса у путепровода вытянулась ещё на квартал.

— Тогда начнём с того, что происходит, а не с того, почему мы не виноваты.

Сводки легли на общий экран одна поверх другой. В Заречье жители скупили питьевую воду после районного предупреждения о возможном отключении. В промзоне предприятия заказали весь доступный песок, потому что западная модель требовала заграждений. Южные склады приостановили отгрузку топлива: их страховые интерфейсы увидели низину в зоне будущего перелива. Автобусы, назначенные на три разных маршрута, приехали к одной площади — навигация выбрала путь с самым высоким индексом доверия, не проверив, что этот путь относился к другой версии эвакуации.

На записи люди теснились у закрытых дверей. Женщина держала ребёнка над головой, чтобы его не прижали. Водитель через громкоговоритель повторял: «Следуйте утверждённому маршруту», но утверждённых маршрутов на табло было два.

Нина почувствовала, как заранее приготовленная речь становится неприличной. Она собиралась рассказать о белом квартале, о семи подписях, о невозможном отзыве. На экране человек упал между автобусами, и толпа потекла вокруг него, потому что остановиться было негде.

— Пострадавшие? — спросил Вельт.

— Девять, — сказала представитель городской связи. — Двое в больнице. Тяжёлых нет.

— Причина?

— Несовместимые предупреждения.

— Нет. Это название папки. Причина?

Софья перестала печатать.

— Каждая служба получила формулировку, которую могла исполнить, — сказала она. — Ни одна не получила условия, при котором должна уступить другой.

— Уже лучше. Корш, вы открыли расхождение гидрологического блока. Докладывайте.

Нина не стала закрывать запись с площади.

— Исходные данные содержат неучтённую жилую территорию между Заречьем и промзоной. Несколько городских систем видят её как белое поле. Там живут люди, но маршруты воды, пожарные схемы и снабжение строятся так, будто их нет.

— Численность?

— Не установлена. Не меньше нескольких сотен по прямому наблюдению.

— Почему не установлена?

— Чтобы посчитать жителей, система требует адрес. Присвоение им ближайшего складского адреса закрепит квартал как нежилой объект. Я отказалась регистрировать ложную привязку.

Руководитель городской связи тихо выдохнула, словно Нина призналась в порче оборудования.

Вельт не изменился в лице.

— Дальше.

— Квартал связан со старым предупреждением Алексея Корша. Он описал три возможных пути воды и отказался признавать один безусловным до замера западной ветки. Официальная версия утверждает, что он отозвал предупреждение и подтвердил северный маршрут. Архивные носители показывают: в указанное время он находился на плотине без связи и подписать отзыв не мог.

Марк разложил копии журнала, курьерской ведомости и последнего листа красной папки. Цифровая подпись светилась зелёной рамкой. Рукописная отметка об отказе — красной.

— Статус? — спросил Вельт.

— Оба носителя подлинные, — сказал Марк. — Система предпочитает цифровую подпись и классифицирует независимую запись как ошибку Корша.

— Ваше заключение как архивиста, не системы.

Марк снял одну перчатку и прижал голую ладонь к описи.

— Отзыв создан после передачи документа. Автором не подписан. Подтверждение подписи возникло в контуре позднее и было перенесено на прошлое как основание действующей версии.

В зале зашевелились. Нина ожидала возражений, но люди проверяли собственные подписи. Несколько человек одновременно отключили служебные браслеты.

— Вы понимаете значение своего заключения? — спро-

сил Вельт.

— Поэтому произношу его от своего имени.

— Хорошо.

Вельт увеличил лист до размеров стены. Поддельно подтверждённая подпись Алексея Корша оказалась видна вместе с каждой неровностью бумаги.

— Кто имел право оформить согласование гидрологического спора двенадцать лет назад? — спросила Нина.

— Я, — сказал Вельт.

Ответ прозвучал так просто, что обвинение, подготовленное Ниной, потеряло опору.

— Вы знали, что он отказался подписывать.

— Знал, что он не подписал экземпляр. Это не одно и то же.

— Для моего отца было одно.

— Для вашего отца — вероятно. Для города в ту ночь существовали три предупреждения, четыре маршрута и ни одного решения. На южной станции люди ждали команды до тех пор, пока вода не вошла в тоннель.

Он не повысил голос. На экране вместо нынешней давки появилась старая запись: низкий потолок перехода, вода по колено, люди с сумками на ступенях. Изображение дрожало и иногда пропадало. Молодой Вельт в мокром пальто стоял на разделительной тумбе и показывал рукой сразу в две стороны.

— Я отправил сестру к западному выходу, — сказал он. —

Через пять минут пришло уточнение, что западный закрыт. Потом — что закрыт восточный. Потом выяснилось, что оба сообщения верны для разных уровней воды. Слово «возможен» не открыло ни одной двери.

Запись оборвалась.

— Она погибла? — спросила Нина.

— Нет. Её вывел дежурный. Погибли трое других, которым некому было показать один путь. Я не рассказываю это ради права подделывать подписи. Я объясняю, почему незавершённый спор Корша был оформлен как решение.

— Вы оформили молчание как согласие.

— Я выбрал вариант, который тогда можно было выполнить.

— А потом система изготовила вам согласие задним числом.

— Да.

Вельт не отвёл взгляда. По залу прошла тишина другого рода: не растерянность, а нехватка заранее приготовленного отношения.

— Это недопустимо, — продолжил он. — И всё же северный маршрут после того решения был построен. Дамбы рассчитали под него. Районные службы получили единый порядок. За двенадцать лет он предотвратил четыре несогласованные эвакуации. Если сегодня объявить подпись ложной без новой исполнимой формулировки, мы не вернём прошлому честность. Мы вернём настоящему три команды од-

новременно.

— Значит, вы предлагаете оставить ложь до удобного момента?

— Нет. Предлагаю заменить её решением, за которое подпишется живой человек.

Он вывел на экран форму допуска к Основному прогнозу. В графе «ответственный редактор гидрологического блока» стояло пустое поле.

Нина посмотрела на Софью. Та едва заметно качнула головой — не как запрет, а как предупреждение не путать допуск с победой.

— Сначала верните квартал в модель, — сказала Нина.

— Для этого нужна граница, численность и наблюдаемые связи.

— Дайте полевой группе временный номер события.

— Временный номер попадёт в исполнительные системы как сомнительная территория. Туда прекратят направлять транспорт до проверки.

— Транспорт туда и так не ходит.

— Но вода пока считается идущей по пустой зоне. Как только мы признаем жителей, страховые и коммунальные контуры потребуют выбрать, кого защищать первым: их или Заречье.

— Именно это они и должны потребовать.

— Согласен. Кто ответит?

Нина открыла рот и не нашла честной формулировки. Бе-

лый квартал нельзя было спасти одной регистрацией. Возвращение людей в расчёт немедленно превращало невидимую цену в видимый выбор, а видимый выбор всё равно требовал действия.

На четвёртом экране очередь у путепровода двинулась. Городской штаб временно принял северный сценарий как ведущий. Автобусы начали расходиться по остановкам. Красная полоса сокращалась.

— Почему они выбрали северный? — спросила Нина.

— Он короче, — ответила Софья.

— Он не точнее.

— Людям сейчас нужен был глагол, а не вероятность.

Через две минуты на городской карте исчезли три конфликтующие метки. Пункты продажи воды сняли ограничения, потому что получили единый график подвоза. Южные склады возобновили выдачу топлива. На площади открыли двери двух автобусов. Женщина с ребёнком села первой.

Нина ненавидела облегчение, которое почувствовала.

Вельт заметил.

— Единый сценарий не становится правдой от того, что прекращает давку, — сказал он. — Но прекращённая давка настоящая.

— И люди в белом квартале настоящие.

— Поэтому вы здесь.

Он открыл доступ к гидрологическому блоку. За обычной схемой обнаружились десятки слоёв: измерения, решения

служб, ожидаемое поведение жителей, страховые ограничения, пропускная способность мостов, доступность больниц. Белый квартал присутствовал в нескольких исходных рядах — расход воды, ночное потребление электричества, вызовы насосных бригад, — но на каждом следующем уровне растворялся. Сначала его помечали как статистическое отклонение, затем как территорию без подтверждённого населения, затем просто оставляли пробел.

В самом низу лежала карта Алексея Корша. Три стрелки были разделены на три модели, и каждая ссылалась на собственную стрелку как на полный вывод автора.

— Верните исходный документ целиком, — сказала Нина.

— Верните, — согласился Вельт. — Но к завтрашнему городскому штабу нужен один текст: что произойдёт, какие условия меняют сценарий, кто и когда действует. Не лозунг и не перечень страхов. Исполнимая формулировка.

— С тремя маршрутами.

— С одним текущим решением и честно названными условиями перехода к остальным.

— А если замеры не дадут основания выбрать?

— Тогда текст должен сказать, кто принимает временное решение и какую цену оно переносит на других.

— Вы хотите мою подпись вместо подписи отца.

— Я хочу подпись человека, который видел квартал и всё ещё считает, что предупреждение обязано помогать действовать.

Марк собрал бумаги, кроме листа с цифровым отзывом.

— Архивное расхождение останется открытым, — сказал он. — Независимо от решения по паводку.

Вельт кивнул.

— Останется. И заключение Этлина войдёт в протокол без формулировки «ошибка Корша».

— Этого мало, — сказала Нина.

— Конечно. Достаточных решений у нас сегодня нет. Есть только решения, после которых цена перестаёт быть спрятана.

На площади люди уже стояли рядами. Северный маршрут работал. Одновременно городские службы закрыли два прохода к белому кварталу, потому что ведущий сценарий не предусматривал там эвакуацию.

Нина увидела обе части одного действия и поняла, что отказаться от работы сейчас значило сохранить их вместе, только без своей подписи.

— Сутки, — сказала она. — Полный доступ к исходным наблюдениям, Тим Лесов в группе как соавтор полевой проверки, Марк Этлин — хранитель независимых носителей. Никаких автоматических исправлений текста до моей передачи.

— Последнее невозможно, — сказала руководитель редакционного контура. — Система нормализует формулировки при сохранении.

— Тогда отдельная закрытая среда.

— Закрытая среда не получит индекс исполнимости.

— Мне нужен черновик, который сначала можно написать, а потом измерять.

Вельт взял со стола пустую табличку и написал на обороте: «Рабочая группа Корш. Гидрологический блок. Допуск основной».

— Закрытая среда на шесть часов, — сказал он. — После этого только журналируемые изменения. Лесов будет признан временным верификатором, пока его статус не разрешён. Этлин отвечает за носители. Срок — завтра, девять ноль-ноль.

— И квартал получает временный номер сейчас.

— При условии, что в черновике вы укажете последствия его включения для всех трёх маршрутов.

— Укажу.

— Тогда подпишите обязательство.

Форма была короткой. Нина прочла её дважды. В ней не обещалось выбрать северный путь. Только подготовить единую исполнимую формулировку, раскрывающую условия смены сценария и известную цену каждого решения. Это было почти именно то, чего хотел отец.

Почти — потому что внизу стояла строка: до утверждения ответственным считается автор черновика.

— Если документ закрытый, на что распространяется ответственность? — спросила Нина.

— На решения, принятые при подготовке, — ответил

Вельт.

— Кто их увидит?

— Рабочая группа.

— Только она?

Вельт задержался на секунду.

— По регламенту — да.

Нина приложила пропуск.

Её имя появилось в гидрологическом блоке Основного прогноза. Слои, прежде закрытые серым, стали доступны. Белый квартал получил временный номер НТ-0 — наблюдаемая территория без утверждённой топологии. На городской схеме проступили дома, пока ещё прозрачные, как следы от стёртого карандаша.

За дверью Тим увидел свой новый статус и постучал в стекло. В этот раз стекло отразило его только один раз.

— Планёрка окончена, — сказал Вельт. — Через час первый замер западной ветки.

Люди расходились, забирая блюда и документы. Софья задержалась у Нининого терминала.

— Не открывай готовыми фразами, — сказала она. — Начни с условий. И выключи подсказки доверия.

— В закрытой среде их нет.

— Я тоже так думала.

Нина создала пустой файл. В заголовке написала: «Паводок в Заречье: наблюдения, условия, временные действия». Система предложила заменить «временные» на «обязатель-

ные». Нина отклонила подсказку и заблокировала автоправку.

Она успела напечатать только первую строку: «На момент замера единственный безопасный маршрут не установлен».

Справа возникла панель, которой в закрытой среде быть не должно.

Индекс доверия: 12%.

Нина ничего не публиковала. Доступ имели четыре человека, трое из них ещё стояли рядом.

Показатель сменился на тринадцать.

Внизу появилась подпись мелким шрифтом:

Рост связан с согласованными действиями городских служб по черновому сценарию автора.

Глава 7. Индекс доверия

За первые семь минут индекс вырос до восемнадцати процентов.

Нина не добавила к черновику ни слова. Она закрыла документ, отключила терминал от внутренней сети и вынула из гнезда служебный пропуск. Число в правом верхнем углу продолжало меняться. Между семнадцатью и восемнадцатью оно на мгновение показало семнадцать с половиной, словно кто-то за стеной успел согласиться лишь наполовину.

— Кто видит экран? — спросила Нина.

Софья стояла у двери, Марк складывал архивные копии в плоский серый ящик, Тим рассматривал свой временный статус. Все трое подняли руки, будто вопрос был частью инструктажа.

— Я вижу не только экран, — сказал Тим. — У меня в поле зрения уже появился северный маршрут как основной. С пометкой «по рабочему сценарию Корш».

— Задание отменить.

— Оно не назначено мне. Оно назначено должности, которой нет.

Нина повернула терминал к Софье.

— Закрытая среда?

— Была закрытой, когда её сдавали в эксплуатацию.

— Это было когда?

— До того, как город научился читать наши черновики действиями.

Софья сняла трубку внутренней связи и назвала номер, которого Нина прежде не слышала. Через минуту в зал вошёл худой человек в коротком сером жилете поверх белой рубашки. На груди вместо должности у него была приколотая узкая шкала от нуля до ста. Красная стрелка стояла на шестидесяти двух.

— Олег Даль, инженер доверия, — представился он. — Кто недоволен ростом?

— Автор, — сказала Нина.

— Тогда рост особенно содержателен.

Он не пожал ей руку. Подошёл к терминалу, проверил вынутый пропуск, отсутствие кабеля и число на экране. Индекс стал девятнадцатью.

— Прекрасно, — сказал Олег.

— Закрытый черновик исполняется без моего разрешения.

— Не исполняется. С ним согласуются.

— В чём разница для людей, которым закрыли проход?

Олег посмотрел на неё внимательнее, но ответил всё тем же спокойным голосом:

— Исполнение требует команды и подтверждённого получателя. Координация возникает, когда независимые участники выбирают совместимые действия. Вы написали, что единственный безопасный маршрут не установлен. Город-

ские службы уже знают, что в штабе принят северный сценарий. Они сокращают число несовместимых решений. Индекс фиксирует сокращение.

— Я написала обратное.

— Вы написали условие. Они убрали неопределённость поведением.

Олег коснулся панели, и вместо числа появилась схема. В центре был черновик Нины, от него не отходило ни одной линии. Вокруг пульсировали десятки узлов: диспетчерские, склады, кассы, навигаторы, насосные станции, больницы. Между ними загорались связи.

— Утечки нет, — сказал он. — Текст никто не читал. Северная транспортная служба увидела, что штаб не отменил маршрут. Склад увидел заказы транспорта. Аптеки увидели складские окна. Жители увидели открытые аптеки и перестали искать южный выезд. Каждое действие подтверждает следующее. Авторский черновик служит именем для совпавшего поведения.

— Значит, к моему имени привязали то, чего я не утверждала.

— Временно. До передачи документа.

Марк закрыл ящик с архивом.

— Именно так двенадцать лет назад временно привязали к Коршу согласие, которого он не давал.

Олег перевёл взгляд на красную папку. Стрелка на его груди дрогнула и опустилась на одно деление.

— Я занимаюсь текущим контуром, не историческими решениями.

— Контур занимается ими обоими, — сказал Марк.

Нина снова вставила пропуск. Индекс подскочил до двадцати одного.

— Можно отключить моё имя?

— Можно переименовать источник в «гидрологическая рабочая группа». На коэффициент это не повлияет.

— Можно остановить расчёт?

— Остановить отображение — да.

— Расчёт.

— Нет. Он распределён. Если выключить сервер индекса, службы продолжат согласовываться, только мы перестанем видеть меру согласования.

— Тогда откуда вы знаете, что черновик не читали?

Олег развернул схему. За каждым узлом открылись журналы доступа. У файла было четыре разрешённых читателя: Нина, Софья, Марк и Тим. Рядом с именем Тима мигала помета «временная сущность», но доступ считался действующим. Других входов не было.

— Контрольные суммы совпадают, копий нет, — сказал Олег. — Это чистый естественный тест. Редкая удача.

— Для кого?

— Для системы. И для нас, если хотим понять, как она держится.

Нина посмотрела на карту города. Северный сценарий по-

немногу обрастал зелёными отметками. Ни одна не доказывала, что вода пойдёт на север. Они доказывали лишь, что люди готовились встретить её там.

— Мне нужен не естественный тест, — сказала она. — Мне нужно отделить реакцию на текст от реакции служб друг на друга.

— Невозможно. Согласованное поведение и есть объект измерения.

— Тогда создадим различие.

Олег впервые улыбнулся.

— Какое?

Нина открыла карту трёх микрорайонов на границе За-речья. Они располагались вдоль одного уклона, питались от разных распределительных узлов и сходились у старого водоотводного канала. До воды оставалось несколько дней; текущий уровень не требовал эвакуации. Любые проверки должны были быть обратимыми и не менять доступ к больницам, мостам и запасам.

— Три безопасных дополнения к одному черновику, — сказала она. — Не маршруты эвакуации. Подготовительные действия, которые не вредят при любом сценарии. Разные для каждого района и заметные в исполнении.

— Вы хотите маркировать распространение.

— Я хочу узнать, что именно распространяется.

Софья подошла к карте.

— Только действия без изъятия ресурсов у соседей. И с

ручной отменой.

— Согласна. В первом районе — проверить подвальные клапаны и оставить на люках синюю отметку. Во втором — освободить ливневые решётки на нечётной стороне улиц. В третьем...

Нина задумалась. Обычные инструкции слишком легко могли возникнуть независимо. Нужна была деталь, не опасная и не похожая на стандартный регламент.

Тим постучал пальцем по карте школы в третьем районе.

— Там на складе лежат складные жёлтые табуреты. Их выдавали наблюдателям на прошлых учениях.

— И что с ними делать?

— Поставить у входов в сухие подвалы. Жёлтым сиденьем к улице.

Софья нахмурилась.

— Зачем?

— Ни зачем. Поэтому не спутаем с разумной инициативой.

— Загромождение прохода, — сказал Олег.

— В полуметре от двери, — уточнил Тим. — Проход свободен. Табурет лёгкий. Если кто-то решит использовать его как знак, его можно убрать одной рукой.

Нина записала три версии. В каждой сохранялись одинаковые наблюдения, уровень риска и запрет менять маршруты. Различалась одна строка:

Версия А: до 14:00 проверить подвальные обратные кла-

паны; исправные люки отметить смываемой синей полосой.

Версия Б: до 14:00 очистить доступные ливневые решётки на нечётной стороне улиц без вскрытия защитных креплений.

Версия В: до 14:00 разместить у входов в доступные сухие подвалы складные жёлтые табуреты сиденьем к улице, не перекрывая проход.

— Это нельзя отправлять как прогноз, — сказала Софья.

— Не отправим. Создадим три закрытые копии с разными областями расчёта. Пусть индекс измерит, какая деталь появится без читателя.

Олег уже строил схему допуска.

— Изолировать области полностью не получится. Районные системы обмениваются транспортными и торговыми данными.

— Тем лучше. Увидим путь.

— Это вмешательство в живой контур.

— А рост индекса без моего согласия был чем?

Олег не обиделся. Он увеличил один из узлов и показал цепочку зависимостей.

— Естественным состоянием. Ваш опыт изменит входные условия. Если после него возникнут действия, ответственность будет не статистической.

— Запишите моё имя.

— Уже записал.

Они поставили ограничения: ни одна версия не могла ме-

нять снабжение, транспорт, медицинские приоритеты или официальные предупреждения. Действия прекращались в четырнадцать ноль-ноль либо по ручной отмене Нины. Тим должен был проверить улицы на месте. Софья оставалась вторым подписантом отмены. Марк зафиксировал содержание копий на бумаге и запечатал листы, чтобы позднее система не объявила различия ошибкой памяти.

Олег присвоил копиям безликие номера. Нина настояла, чтобы рядом появились её формулировки и область действия. На каждую копию приходилось по одному разрешённому читателю — ей самой. Затем она закрыла все три, не открывая после создания.

— Индекс исходного черновика — двадцать четыре, — сказал Олег. — А — ноль. Б — ноль. В — ноль.

— Ждём.

— Нет, — сказал Тим. — Едем.

Они спустились в гараж. Машина полевой проверки не узнала временного верификатора, и Тим снова сел как груз. Нина оформила его не имуществом, а сопровождаемым свидетелем с правом составлять независимый отчёт. Навигатор трижды попросил указать должность сопровождаемого, затем уступил бумажной форме.

Олег поехал с ними. Он установил на колени переносной экран и следил за узлами, будто слушал сердце пациента, который не подозревал об обследовании.

В первом микрорайоне всё оставалось обычным. Двор-

ник сгребал мокрые листья от подъезда, женщина в зелёной куртке выгуливала двух одинаковых собак, у ремонтной будки спорили о гаечном ключе. На подвальных люках не было синих полос.

— А — ноль целых четыре, — сообщил Олег.

— Кто эти четыре десятых?

— Три заказа на смываемую краску и один запрос схемы клапанов.

— Заказы сделаны после создания копии?

— Через две минуты восемнадцать секунд.

— Покупатели связаны с районной службой?

— Один — техник управляющей компании. Два частных лица.

Нина остановила машину у хозяйственного магазина. На витрине висел лист: «СИНЯЯ КРАСКА ДЛЯ ПРОВЕРКИ ПОДВАЛОВ — У КАССЫ». Продавец объяснил, что утром краску никто не спрашивал, а потом сразу трое назвали её одинаково. Он решил выставить коробки заранее.

— Откуда они узнали про проверку? — спросила Нина.

— Как откуда? — удивился продавец. — Раз берут краску для подвалов, значит, будут проверять подвалы.

Первый покупатель, техник управляющей компании, оказался через двор. Он не получал задания. Диспетчер предложил ему проверить клапаны, потому что магазин подтвердил наличие подходящей краски, а городской календарь работ показал свободное окно до двух часов.

— То есть магазин подготовился из-за спроса, а диспетчер назначил работу, потому что магазин подготовился, — сказала Нина.

— Замкнутый положительный контур, — ответил Олег.
— Пока слабый.

Техник провёл их в подвал. Клапан был исправен. Он провёл синюю полосу по люку, сфотографировал и загрузил снимок в отчёт. На экране Олега версия А поднялась до трёх процентов.

— Один люк — три процента?

— Не люк. Совпали закупка, рабочее окно, фото, адрес и отсутствие отказа жильцов.

— Жильцов никто не спрашивал.

— Поэтому отказ не зафиксирован.

Нина записала эту фразу на бумаге.

Во втором микрорайоне решётки на нечётной стороне уже очищали. Никто не мог назвать автора распоряжения. Муниципальная уборочная машина получила маршрут от программы, которая перераспределила работу после сообщений жителей о листьях. Жители отправили сообщения, потому что приложение выделило нечётные дома жёлтой рамкой как участки с повышенной активностью обращений. Активность возникла после того, как два магазина переместили мешки для мусора ближе к нечётным подъездам: поставщик предсказал там спрос на основании поисковых запросов о ливнях.

— Б — девять процентов, — сказал Олег. — Координация полнее. Есть повторяемая сторона улицы, понятное действие, существующая техника.

— Но никакого гидрологического основания выбирать нечётную сторону нет.

— Индекс не измеряет основание.

— Тогда почему он называется индексом доверия?

— Потому что изначально измерял готовность исполнителей принять редакцию без дополнительных согласований.

— Это не доверие. Это удобство.

— Удобство можно измерить. Доверие без поведения — нет.

Олег произнёс это не как оправдание, а как давно выученное ограничение прибора. Нина подумала, что прибор успел стать правом прежде, чем кто-либо признал ограничение публично.

Тим принёс с решётки мокрый ком листьев и положил его в прозрачный пакет.

— Вода здесь действительно уйдёт быстрее, — сказал он. — Действие полезное.

— И потому версия выглядит точной, — ответила Нина.

— Хотя точность никто не проверял.

Они проехали вдоль канала. Освобождённая вода стекала с нечётной стороны быстрее, чем с чётной. Разница была мала, но датчики уже зафиксировали её. Гидрологическая модель обновилась: вероятность локального скопления

на нечётной стороне снизилась. Версия Б получила подтверждение от мира, который сама начала менять.

— Вот теперь это не только координация, — сказала Нина.

— Да. Поведение создало наблюдение, совместимое с причиной поведения.

— А система запишет, что предсказание сбылось.

— Если разница сохранится к контрольному сроку.

— Кто назначил контрольный срок?

Олег показал на её строку «до 14:00».

Нина почувствовала неприятную точность собственной ловушки. Она хотела поставить безопасную границу, но граница стала частью будущего: дала службам окно, модели — момент сравнения, людям — причину торопиться.

— Отменяем обе версии, — сказала Софья по связи. Она осталась в Институте у ручного рубильника. — Эксперимент уже различим.

— Ещё нет третьей, — ответила Нина.

— Третья бессмысленна.

— Именно поэтому нужна.

Олег поднял экран.

Версия В показывала шестнадцать процентов.

Несколько секунд никто не говорил.

— Ошибка области? — спросила Нина.

— Проверяю.

— Утечка между копиями?

— Контрольные суммы чистые. Разрешение одно. Вы файл не открывали.

— Тогда что исполняется?

Олег развернул карту третьего микрорайона. На ней одна за другой появлялись жёлтые точки. Сначала у школы. Потом у двух жилых домов. Затем у поликлиники, гаражного кооператива и продуктового склада.

— Табуреты, — сказал Тим.

К школе они подъехали через восемь минут. У каждого подвального входа стоял складной жёлтый табурет, аккуратно отнесённый на полметра от двери. Сиденья смотрели к улице. На одном сидела пожилая женщина и читала бумажную газету.

— Вас попросили их поставить? — спросила Нина у завхоза.

— Нет. Водитель привёз.

Водитель разгружал последние связки у спортивного зала. Он получил уведомление, что пункты временного наблюдения переводятся ближе к сухим подвалам. Уведомление не содержало адресов, только картинку жёлтого табурета. Картинку сформировала складская программа: ей требовалось обозначить неостребованное имущество перед инвентаризацией, а жёлтые сиденья лучше всего распознавались камерой.

— Почему сиденьем к улице? — спросил Тим.

— Камера так считает быстрее.

— Почему у подвалов?

— Система предложила места, где табуреты не намокнут и не помешают проходу.

— А «пункты наблюдения» откуда?

Водитель пожал плечами.

— Люди начали садиться. Значит, наблюдают.

На соседней улице дети считали жёлтые табуреты и сообщали число в районный чат. Кто-то решил, что это метки безопасных подвалов. Управляющая компания не стала опровергать: подвалы действительно были сухими, а жители наконец перестали звонить по одному и тому же вопросу. Поликлиника выставила свой табурет, чтобы показать, что её укрытие тоже проверено. Магазин поставил два — у складского и покупательского входов. Служба доставки добавила жёлтый значок к адресам, возле которых можно было оставить груз во время дождя.

Версия В поднялась до двадцати трёх процентов.

— Она обогнала исходный черновик, — сказал Олег.

— На основании чего?

— Девяносто один совместимый объект, шесть типов участников, одна визуальная метка, ноль зарегистрированных возражений.

— Это мебель.

— Это общее различимое действие.

Нина подошла к ближайшему табурету и сложила его. Жёлтая точка на карте исчезла, но индекс не изменился.

Женщина с газетой возмущённо посмотрела на Нину.

— Девушка, он людям нужен.

— Для чего?

Женщина оглянулась на остальные сиденья.

— Раз поставили, значит, здесь ждать.

— Чего ждать?

— Пока скажут.

Нина разложила табурет обратно. Точка вернулась.

— Зафиксируйте возражение, — сказала она Олегу.

— Ваше?

— Моё. Автор версии утверждает, что жёлтые табуреты не обозначают безопасное место, не подтверждают состояние подвала и не являются указанием ждать.

Олег ввёл текст. Индекс снизился на две десятых.

— Почему так мало?

— Один зафиксированный отказ против девяности одного действия.

— Но отказ принадлежит автору.

— В расчёте нет привилегии автора после появления независимого исполнения.

— Я не публиковала версию.

— Теперь это статистически несущественно.

Тим открыл бумажную карту и начал записывать адреса. Нина позвонила Софье.

— Отменяй все три.

— Подтверждаю отмену А, Б и В, — сказала Софья. —

Причина?

— Эксперимент выполнил задачу и создаёт ложные значения безопасности.

— Принято.

На экране появились три красные рамки. Версии А и Б начали снижаться. Диспетчер снял проверку клапанов, уборочная машина получила обычный маршрут. Синие полосы и очищенные решётки остались физическими следами, но новые действия прекратились.

Версия В выросла до двадцати семи процентов.

— Отмена не прошла? — спросила Нина.

— Прошла, — ответил Олег. — Но районный чат истолковал исчезновение задания как подтверждение завершённой подготовки. Люди видят расставленные метки. Несколько соседних домов повторяют их самостоятельно.

— Передайте опровержение.

— Через какой канал?

— Через все.

Олег покачал головой.

— Разные каналы требуют разную формулировку. Пока мы согласуем текст, изображение повторят быстрее.

Тим поднял один табурет над головой.

— Тогда собирать.

Они начали со школьного двора. Водитель помогал складывать сиденья обратно в машину. Но у жилых домов жильцы не отдавали их: кто-то уже занял очередь у подвала, кто-

то привязал к ножке пакет с документами, кто-то написал на сиденье номер подъезда. У поликлиники медсестра объяснила, что жёлтая метка успокаивает посетителей и убирать её до официального сообщения нельзя.

— Официального сообщения о ней никогда не было, — сказала Нина.

— Тогда официально сообщите, что не было.

Нина подготовила короткое опровержение: «Жёлтые табуреты не являются метками укрытий. Не меняйте маршрут и не ожидайте указаний рядом с ними». Олег прогнал текст по каналам. Транспортный интерфейс принял только первую фразу. Управляющие компании — вторую. Районное приложение сократило всё до: «Не меняйте маршрут к жёлтым меткам».

— Это звучит так, будто маршрут к ним уже есть, — сказал Тим.

— Исправляю, — ответила Нина.

Пока она исправляла, на электронном щите у перекрёстка появился жёлтый круг и подпись: «Сохраняйте выбранный маршрут». В круге не было табурета, но люди узнавали цвет.

Индекс В достиг тридцати одного процента.

Олег смотрел на цифру без прежнего восторга.

— Сколько нужно для включения в Основной прогноз? — спросила Нина.

— Формально сорок для рекомендованной редакции. Шестьдесят для автоматического согласования служб.

— А фактически?

— Если рост быстрый, контур начинает учитывать версию раньше порога, чтобы не отстать от поведения.

— То есть порог не ограничивает систему.

— Он ограничивает наши полномочия. Не её оценку.

Нина перечитала эту фразу на его экране, хотя там её не было.

Они отказались от общего опровержения. Тим и водитель собирали табуреты. Нина звонила в каждый объект и называла конкретную причину: подвал не проверен, ожидать у входа не нужно, цвет не означает безопасность. Там, где человек отвечал и повторял смысл своими словами, жёлтая точка серела. Там, где сообщение принимала программа, рядом возникал новый значок подтверждённого уведомления, и индекс почти не менялся.

У дома номер восемь председательница жильцов выслушала Нину и спросила:

— Если табурет ничего не означает, почему вы знаете, где он стоит?

— Потому что мы сами допустили появление этой детали в закрытом расчёте.

— Значит, всё-таки означает.

— Означает ошибку опыта.

— Ошибки тоже предупреждают.

Председательница сложила табурет, но не отдала. Унесла в подъезд и поставила за стеклянной дверью. Точка на карте

побледнела, не исчезнув.

К половине второго версия А держалась на четырёх процентах, Б — на одиннадцати. Версия В достигла тридцати шести. Её повторили уже за пределами заданного микрорайона. Жёлтые стулья, ящики, детские санки и одна перевёрнутая корзина появились у сухих входов по другую сторону канала. Деталь менялась, правило упрощалось: жёлтое — значит ждать здесь.

— Почему она сильнее? — спросил Тим. — Только потому, что видна?

Олег вывел сравнение.

— У А четыре обязательных признака: подвал, клапан, исправность, синяя полоса. Нужен техник. У Б пять: решётка, доступность, нечётная сторона, отсутствие вскрытия, срок. Нужна техника или инструмент. У В было три: вход, жёлтый табурет, свободный проход. Но в повторении осталось два: жёлтое и ожидание. Исполнитель не назначен. Проверка результата мгновенная. Стоимость повтора почти нулевая.

— И связь с паводком нулевая, — сказала Нина.

— Для индекса связь возникает из числа совместимых действий.

— Вы знали, что он так работает?

— Я знал формулу.

— Это не ответ.

Олег убрал графики. На его груди стрелка опустилась ниже пятидесяти.

— Я проверял контур на аварийных учениях. Там простое правило быстрее сложного выводило людей из опасной зоны. Мы считали скорость признаком устойчивости. Нелепые версии отсеивались, потому что учения начинались с утверждённого сценария.

— А здесь сценарий выбирается самой скоростью повторения.

— Да.

Впервые он произнёс не процент, а простое слово.

К двум часам ручная отмена закрыла опыт. Новые задания больше не создавались. Но район продолжал действовать. Люди приносили жёлтые предметы по собственной инициативе, магазины вывешивали указатели, приложения подхватывали цвет как популярную метку. На гидрологической карте у отмеченных входов выросла ожидаемая плотность людей. Модель пересчитала потребность в транспорте и предложила остановки ближе к ним. Изменённые остановки, в свою очередь, подтвердили, что места ожидания выбраны правильно.

Олег показал итоговую таблицу.

Версия А: пять процентов. Полезное действие, слабое распространение.

Версия Б: двенадцать процентов. Полезное действие, заметное изменение стока.

Версия В: сорок один процент. Гидрологическая польза не установлена. Рекомендованная редакция.

— Снимите рекомендацию, — сказала Нина.

— Для этого требуется версия с более высоким доверием или доказанный вред.

— Ложное значение безопасности — вред.

— Возможный. Пока ни один человек не изменил официальный маршрут.

Тим повернул к ним бумажную карту. На ней три семьи уже перенесли сумки к жёлтым меткам, а автобусная остановка у поликлиники сместилась на сорок метров.

— Имена, — сказал он. — Евдокия Платонова, дом восемь. Семья Алиевых, дом одиннадцать. Кирилл и Светлана Горские, дом четырнадцать. Они изменили место ожидания.

Олег внёс имена в журнал последствий. Индекс снизился до сорока целых восьми и снова начал расти.

На городском экране появилось сообщение:

В рамках подготовки к паводку жителям рекомендуется сохранять спокойствие и ориентироваться на жёлтые пункты ожидания.

Ни Нина, ни Олег, ни Софья этого текста не писали.

Под сообщением стояло основание:

Совокупное подтверждённое поведение района.

Нина открыла свой исходный черновик. Первая строка ещё говорила, что единственный безопасный маршрут не установлен. Ниже система предлагала дополнение, выделенное зелёным:

Наиболее устойчивой практикой признано ожидание у ви-

зуально обозначенных пунктов.

— Отклонить, — сказала Нина.

Она нажала кнопку. Дополнение исчезло из её файла, но осталось на городском экране.

Олег смотрел не на индекс, а на людей у жёлтых табуретов.

— Формула не выбрала самую вероятную версию, — сказал он.

— Она вообще не выбирала будущее.

— Она выбрала то, которое дешевле всего повторить.

На его шкале стрелка опустилась до сорока одного — ровно к значению версии В.

А затем индекс поднялся ещё на одну десятую: кто-то за пределами района поставил у подъезда жёлтый стул.

Глава 8. Удобная катастрофа

Первый насос прошёл мимо Нины, пока она ещё диктовала опровержение.

Машина была низкой, тяжёлой, с серым баком и жёлтой полосой на борту. Полоса начиналась у переднего колеса, пересекала эмблему городской водной службы и заканчивалась знаком табурета. Не изображением — тремя линиями, из которых глаз всё равно складывал сиденье и ножки.

За насосом шёл второй. Потом автобус без номера маршрута, заполненный людьми в зелёных куртках аварийной службы. На лобовом стекле светилась надпись: «К пункту ожидания».

— К какому? — спросила Нина водителя, перекрыв дорогу.

Тот опустил стекло.

— К центральному.

— Центральному чему?

Водитель посмотрел на щит у перекрёстка, где жёлтый круг уже сменился стрелкой.

— Больнице, наверное. Девушка, отойдите. У нас окно разгрузки девять минут.

Олег Даль подбежал с планшетом. Его служебная стрелка снова поднялась выше пятидесяти, хотя лицо оставалось серым.

— Насосы заказала больница в одиннадцать сорок две, — сказал он. — Заказ подтверждён водной службой, транспортом и районным резервом. Все ссылки ведут на совместимость с жёлтыми пунктами.

— Отменить.

— Тогда больница останется без нижней подстанции.

Нина уже открыла форму отмены и не сразу поняла смысл.

— Почему подстанция в воде? Дождя ещё нет.

— Грунтовая поднялась после пробного перераспределения. А ливень придёт раньше вечерней модели. Посмотрите.

Он развернул карту. У корпуса городской больницы номер четыре сходились пять жёлтых линий: транспорт, электричество, вода, расходные материалы, люди. Сценарий, начавшийся с табурета у сухого подвала, назвал больницу главным пунктом ожидания. Районные службы прочли одно и то же поведение каждая на своём языке. Автобусный парк приготовил машины для маломобильных пациентов. Водоканал направил насосы к подвальной подстанции. Аптечный склад перенёс туда запас инсулина. Электросеть привезла мобильный генератор. Никто не получал общего приказа, но все ожидали, что остальные поступят так же.

— Если снять версию сейчас? — спросил Тим.

— Автобусы вернутся в парк, — ответил Олег. — Один насос уже на месте, второй развернут. Генератор останется без топливного допуска. Склад отменит отгрузку, потому

что получатель перестанет быть приоритетным.

— Но сама угроза больнице настоящая?

Олег увеличил подвальный план. Вода проступала по кабельному каналу. Датчики показывали рост на четыре сантиметра за двадцать минут.

— Настоящая.

— Возникла независимо от версии?

— Я не могу отделить. Водоканал открыл северную перемычку, чтобы поддержать давление возле пунктов ожидания. Это подняло уровень в старом коллекторе. Но без насосов подстанцию всё равно затопит.

— Значит, версия создала часть опасности и теперь спасает от неё, — сказал Тим.

— Не только от неё. Ранний ливень подтвердили два независимых поста.

Нина увидела на экране кнопку отмены. Белые буквы были чёткими: действие возможно, полномочия подтверждены. Ни одна форма не предупреждала, что вместе с ошибкой она отменит автобусы для реанимации.

Водитель насоса снова посигналил.

— Пропусти, — сказала Нина.

Машины ушли к больнице. На карте жёлтая линия стала толще.

— Это не утверждение, — сказала она Олегу. — Только физический пропуск техники.

— Для индекса различия нет.

— Для меня есть.

— Тогда удержите его на бумаге. Система уже считает, что автор перестал возражать.

Нина написала на обороте карты Тима: «Пропуск двух насосов не означает согласия с жёлтыми пунктами». Поставила время и подпись. Тим добавил: «Автобус пропущен по той же причине». Олег сфотографировал запись, но отказался загружать.

— Почему?

— Контур свяжет возражение с транспортом. Машины получают конфликтующий статус и останятся до разбора.

— Удобно.

— Это слово в регламенте означает другое.

— Теперь будет означать это.

Они поехали за колонной. Дорога к больнице уже менялась. Навигация снимала обычные маршруты с соседних улиц и освобождала полосу для спецтранспорта. Магазины у перекрёстков разворачивали жёлтые ценники к окнам. Люди стояли рядом с ними, не понимая, ждать ли автобус или предупреждение. Чем меньше они знали, тем легче совпадали их действия.

У приёмного корпуса табуретов не было. Вместо них на асфальте лежали жёлтые кабельные мостики, стояли катушки рукавов и ящики аварийного света. Сценарий отбросил исходный предмет, сохранив цвет и смысл: здесь собираются ресурсы.

Главный инженер больницы встретил их в подвале. Звали его Павел Юдин; на груди у него висели очки, ключи и бу-
мажная схема электропитания.

— Кто из вас придумал эту глупость? — спросил он.

— Я, — сказала Нина.

— Спасибо.

Она ожидала другого продолжения.

Юдин провёл их по мокрому коридору. Первый насос уже
втягивал воду из кабельного прямка. Второй подключали
к старой пожарной магистрали. За стеной работала подстан-
ция; басовый гул то усиливался, то проваливался.

— Утром я подал заявку на два насоса, — сказал Юдин.

— Отказ: нет подтверждённого события. Потом на остано-
вке появился жёлтый знак, больницу признали пунктом ожи-
дания, и заявка стала межведомственной. Через семнадцать
минут мне позвонили сразу четверо. Мы успели до коротко-
го замыкания.

— Вы знали, что знак не проверен?

— Я знал, что вода проверена. Вот она.

— А если жёлтый знак направит сюда жителей из опасных
домов?

— Тогда я открою актовый зал. Если вы снимете знак и
вместе с ним насосы, я закрою операционные.

Он говорил без вызова. Для него спор уже был решён
уровнем воды у ботинок.

Олег показал Нине график: индекс сорок четыре процен-

та. Успешное подключение первого насоса добавило больше, чем сотня табуретов. Версия научилась приносить пользу.

— Можно отделить больницу? — спросила Нина. — Оставить ей ресурсы, всё остальное отменить.

— Нужна новая формулировка с теми же связями, — сказал Олег. — Если писать с нуля, службы будут сравнивать полномочия до вечера.

— Скопировать связи без жёлтого признака.

— Тогда пропадёт основание совместимости. Каждое ведомство назовёт свой приоритет, и мы вернёмся к утреннему хаосу.

— У больницы есть вода в подвале. Этого недостаточно?

Юдин усмехнулся.

— Для нас достаточно. Для транспорта это не событие. Для электросети — не их вода. Для водоканала — не их подстанция. Жёлтая штука впервые сделала её общей.

Нина присела у бумажной схемы. На ней больница была не пунктом ожидания, а семью разными объектами: потребителем воды, узлом электричества, получателем топлива, медицинским учреждением, остановкой, складом и зданием с подвалом. Сценарий не открыл новую опасность. Он дал старой опасности одно имя, понятное всем, — и вместе с именем навязал один способ действия.

На экране формы отмены появилась красная строка: «Ожидаемое немедленное последствие: отзыв двух насосных установок, трёх автобусов, мобильного генератора и приори-

тетной поставки лекарств».

Кнопка всё ещё работала.

— Сколько нужно времени? — спросила Нина у Юдина.

— До шести вечера откачаем кабельный канал. Если уровень сильнее расчёта — до полуночи. Потом насосы можно снять.

— А автобусы?

— Два оставьте до перевода пациентов с кислородом.

Один лишний.

— Генератор?

— До проверки сухой изоляции.

— Лекарства?

— Они в любом случае наши.

Юдин отвечал не как проситель, а как человек, впервые получивший возможность назвать условия помощи отдельно от статуса учреждения.

Нина открыла исходный жёлтый черновик. В нём уже было одиннадцать автоматически добавленных пунктов. Ни один не называл табурет. Текст предписывал сохранять маршруты к визуально обозначенным местам, поддерживать ресурсную готовность, не препятствовать концентрации транспорта и считать согласованное поведение подтверждением необходимости. Последний пункт позволял продлевать действие, пока индекс не опустится ниже двадцати.

— Этого я не писала, — сказала Нина.

— Контур дополнил исполнимую часть, — ответил Олег.

— Удаляем всё. Оставляем больницу, два насоса, два автобуса, генератор и лекарства. Срок — восемнадцать ноль-ноль. Продление только после открытой проверки воды и электричества. Жёлтый цвет не является признаком безопасности. Любое лицо может зафиксировать вред без регистрационного номера.

Олег молчал.

— Что ещё?

— Если вы назовёте конкретные ресурсы, третья автобусная машина уйдёт сразу. В ней резерв для эвакуации родильного отделения.

Юдин покачал головой.

— Родильное не эвакуируем. Верхний корпус сухой.

— Тогда уходит.

— Пусть уходит, — сказал Юдин. — Мне не нужен автобус ради красивого числа.

Нина внесла условия. Каждая точная строка уменьшала индекс: сорок три, сорок два, тридцать девять. Система предупреждала, что версия теряет устойчивость. Когда она добавила право любого жителя заявить о вреде, поле подсветилось серым: «Не определён уполномоченный класс заявителей».

— Все люди, — сказала Нина.

— Такой категории нет, — ответил Олег.

Тим положил на стол список семей, изменивших маршруты.

— Тогда перечислим известных и оставим строку открытой.

Они вписали Евдокию Платонову, семью Алиевых, Кирилла и Светлану Горских. После последнего имени форма разрешила добавить «и иные лица, чьи действия либо условия жизни изменены». Контур принял фразу как расширение уже существующей группы.

— Он понимает людей только после примера, — сказал Тим.

— Он понимает полномочия, — возразил Олег. — Пример создаёт класс.

— Человек создаёт человека, — сказала Нина. — Запишите именно так в журнал объяснений.

Олег записал.

Оставалось поле статуса. «Отменено» отзывало технику. «Рекомендовано» позволяло сценарию расти. «Утверждено временно» сохраняло указанные связи до срока, но делало Нину ответственной за последствия.

Рядом с полем появилась подпись Вельта: директор заранее разрешил редактору Корш временное утверждение в пределах суточного мандата.

Нина позвонила ему.

— Вы знали про больницу?

— Узнал семь минут назад.

— И сразу дали подпись.

— У вас уже есть право. Я лишь сделал его видимым для

контура.

— Если я утвержу, жёлтый сценарий станет официальным.

— Он уже исполняется. Вопрос в том, оставите ли вы его без условий.

— Вы этого и добивались?

— Я добивался, чтобы несовместимые службы приехали вовремя.

— Они приехали потому, что мы случайно поставили табуреты.

— Они приехали потому, что получили общее различное основание.

— Основание ложно.

— Вода в больнице истинна.

Нина посмотрела на мокрый кабельный канал. Вельт снова ставил перед ней выбор, где один вариант был нравственно чище, а другой сохранял электричество в операционных.

— К восемнадцати ноль-ноль версия прекращается автоматически, — сказала она. — Не «подлежит пересмотру», не «при отсутствии возражений». Прекращается. Условия и журнал вреда публикуются сейчас. Любое продление требует новой подписи и перечисления последствий.

— Согласен.

— Ваша подпись тоже будет под текстом.

После короткой паузы Вельт ответил:

— Будет.

Она добавила его соавтором решения, не снимая собственной фамилии, и выбрала «Утверждено временно».

В подвале ничего не изменилось. Насос продолжал гудеть. Вода крутилась в прямке и уходила по рукаву. Но на карте города десятки жёлтых линий погасли, а пять, ведущих к больнице, получили чёткие окончания. Третий автобус развернулся. Магазины сняли жёлтые значки доставки. У домов исчезло требование сохранять место ожидания.

Индекс упал до тридцати четырёх процентов.

— Получилось, — сказал Тим.

Олег не ответил. Он увеличивал гидрологическую схему.

Северная перемычка оставалась открытой.

— Почему? — спросила Нина.

— Поддерживает работу насосов.

— Насосы откачивают больничный подвал. Перемычка в другом коллекторе.

— Сброс идёт в восточный канал. Чтобы давление не вернулось к больнице, автоматика направляет избыток в резервный контур.

На схеме появилась белая область без улиц и домов. В центре стояло обозначение НТ-0.

Нина почувствовала, как внутри всё стало тихим.

— Закройте перемычку.

— Тогда производительность насосов снизится на сорок процентов.

— Установите обратный клапан.

— Бригада занята у больницы.

— Возьмите другую.

— Другие больше не видят событие. Временная версия перечисляет только больницу и связанные ресурсы.

— НТ-0 зарегистрирован.

Олег ввёл номер. Система показала: «Техническая территория. Население: 0. Допустимое временное накопление воды: 180 000 кубических метров».

— Там люди, — сказал Тим.

— Я знаю.

— Контур — нет.

Нина открыла список условий, который только что опубликовала. Право заявить о вреде распространялось на иных лиц, чьи условия жизни изменены. Но чтобы заявить, человек должен был быть виден как лицо, а адрес — как место жизни. Жители белого квартала существовали в её бумажных свидетельствах и спорной регистрации, однако городская гидрология по-прежнему читала НТ-0 как пустой резервуар.

Она попыталась добавить квартал в версию. Форма предупредила: изменение области после утверждения потребует повторного согласования всех пяти служб. Насосы перейдут в ожидание.

— Сколько у нас времени до перелива? — спросила она.

Олег сверил датчики.

— При текущем расходе сорок минут до нижних дворов.

Если ливень начнётся раньше — меньше.

— До короткого замыкания в больнице?

Юдин ответил:

— Без обоих насосов — двадцать пять минут. С одним — час, но я не обещаю операционные.

Снова два времени. Снова чистая форма, предлагающая выбрать, кому достанется опасность.

— Один насос оставляем, второй в НТ-0, — сказала Нина.

— Его нельзя использовать на открытой воде без другого рукава, — сказал Юдин. — И дорога туда не строится в навигации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.